

Б И Б Л И О Т Е К А

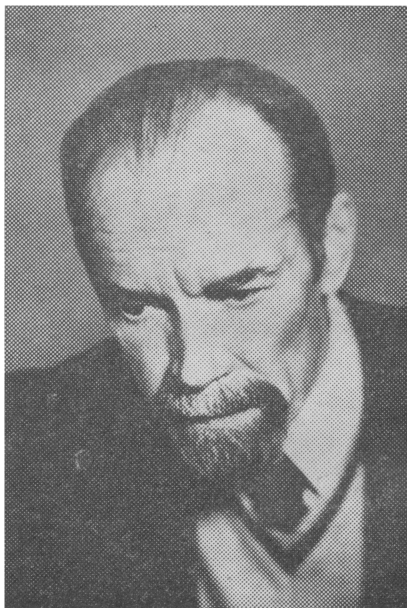
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 34

1982

Сергей БАРУЗДИН

*ЕЛИЗАВЕТА
ПАВЛОВНА*

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Сергей БАРУЗДИН

ЕЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА

ПОВЕСТЬ

**Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982**

Сергей БАРУЗДИН

Сергей Алексеевич Баруздин родился в Москве в 1926 году. До войны по рекомендации Н. К. Крупской, в то время заместителя наркома просвещения РСФСР, занимался в литературной студии Московского городского Дома пионеров.

Член КПСС. Участник Великой Отечественной войны, прошедший путь от Москвы до Берлина и Праги. Комсорг 113-го Отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона прорыва РГК.

После войны — участник Первого Всесоюзного совещания молодых писателей (1947 год).

Сейчас автор многих книг для взрослых и детей. Тираж их составил 42 миллиона на 46 языках народов СССР и зарубежных стран.

Неоднократно печатался в «Огоньке» и «Библиотеке «Огонек».

Сергей Баруздин — главный редактор журнала «Дружба народов», секретарь правления Союза писателей СССР.

«Елизавета Павловна» — одна из последних работ С. Баруздина.

Ей никто не давал больше шестидесяти, хотя на самом деле было за семьдесят. В городе народилось и выросло уже несколько поколений, и ее звали «живчиком», «неугомонной» те, кто появился потом, а старики старожилы уважительно:

— Елизавета Павловна.

Перед ней снимали шляпу, кланялись, и она была счастлива, что ее знают все и она всех знает.

У нее был проездной билет на все виды транспорта, кроме метро, которого в городе еще не построили, но она не любила ездить ни на трамвае, ни на троллейбусе, ни в автобусе, а все пешком да бегом, мелкой трусцой от обкома до облисполкома, от горкоммунхоза до горono, от горторга до горсовета, от горплана до редакции «Ленинского пути» и местного радиоцентра.

Пробегая утром в приемную горисполкома, она почти всегда с порога спрашивала:

— Знаменитый путешественник из шести букв?

Или:

— Американский романист прошлого века из пяти букв, вторая «о»?

Все в душе посмеивались над ее страстишкой разгадывать кроссворды, но помогали как могли.

А она шутила:

— Вот жаль, что «Правда» и наш «Ленинский путь» кроссвордов не печатают. А то бы я вас приобщила.

Маленькая, сухонькая, с довольно еще моложавым лицом, на котором в красивых по-молодому глазах трепетала чуть затаенная печаль, она не сидела ни минуты и кроссворды отгадывала чуть ли не на ходу. Как пять пальцев знала весь город: кто выполнил план, кто не выполнил, где рождение, а где похороны. Весь день была в бегах и только вечером, придя к себе домой в крошечную однокомнатную квартиру, которую ей дали шестнадцать лет назад при официальном уходе на пенсию, понемногу утихомиривалась. Она рада была остаться одной. Вечерние часы — это была ее пора. Пила чай, разгадывала кроссворды и долго рассматривала фотографии единственного сына своего — Игоря, который сейчас так далеко...

В сорок первом году ей исполнилось тридцать четыре года. Она была старше своих сокурсниц. Училась на четвертом курсе пединститута и жила в общежитии. Родителей не помнила. Лиза воспитывалась в детском доме. До института работала секретарем-машинисткой и летом после тридцати вдруг решила поступить в институт.

Училась Лиза неплохо, но перспектива быть учительницей ее пугала. Видно, это не ее призвание. Подруг почти не было. Как все неполноценные люди — в детстве перенесла туберкулез позвоночника, потом появился горб, — она была слишком замкнута и не в меру обидчива. Правда, природа, словно стараясь компенсировать физическое уродство, наделила Лизу довольно миловидной внешностью. У нее были необыкновенно красивые волосы, которые, вырываясь из узла, падали вниз волшебным золотым водопадом. Но она редко носила их распущенными — ей казалось неудобным обращать на себя внимание чем-нибудь красивым. Лучше оставаться незаметной. Тогда меньше будут замечать ее горб. Зато глаза — большие, темные, с постоянно мерцающими в них то болью, то грустью, — Лиза спрятать, как волосы, уже не могла... На танцы Лиза не ходила и в вечеринках не участвовала. К тому же в институте она оказалась старше своих сокурсниц и от этого еще больше стеснялась.

Война быстро приближалась к их городу, шла массовая эвакуация, уезжал и их пединститут, но Лиза колебалась: оставаться или нет?

Наконец решила: «Нет, не поеду» — и пошла в горком комсомола. По старой памяти. Куда не раз ходила еще комсомолкой.

В горкоме было светло и сумбурно, десятки людей бегали по лестницам и коридорам, толкали сейфы и ящики, жгли во дворе бумаги, и Лиза долгое время не могла ни к кому пробиться.

Потом ей повезло, она попала к давней знакомой — второму секретарю Любе Щипахиной. Та сказала «Садись!», а сама продолжала говорить по телефону.

— Я в эвакуацию не поеду. Может, смогу принести какую-нибудь пользу здесь?

— Какую? — переспросила Люба Щипахина, замороченная своими делами.

— Я же горбунья, — Лизе нелегко дались эти слова. — И думала...

— Подожди, подожди, а пожалуй... — Люба ухватилась за Лизину не очень ясно высказанную мысль. — Все может быть.

Телефон трезвонил бесконечно.

В следующем перерыве между разговорами Люба Щипахина сказала:

— Сейчас позвоню в горком партии, посоветуемся.

Она набрала номер и долго кричала в трубку:

— Игорь, это ты? Ты, Игорь?

Будто тот был на другом краю света.

— У меня тут девушка одна, горбатенькая, понимаешь,— объяснила она.— Так вот у нее есть идея... Что? Да, я ее давно и хорошо знаю. Ты понял? И я так думаю. Да, да. Ладно, пришло.

Лизе она сказала:

— Пойдешь в горком партии, к заведомо пропаганды. Орлов Игорь Венедиктович. Только не сегодня. У них там все расписано. А завтра к девяти. Договорились?

Наутро она была у Орлова. Он ей очень понравился. Серьезный, красивый, уверенный, хотя возрастом лишь чуть старше ее.

Они говорили очень долго, он дотошно расспрашивал ее о доверенной жизни, пытался даже убедить ее эвакуироваться, наконец, выговорившись сам и выслушав все Лизины доводы и ответы, предложил план: в случае оккупации города Лиза становится связной между городом и партизанским отрядом, который будет базироваться в ближних лесах.

Для этого ей нужно в первую очередь выехать из общежития и поселиться где-то в другом месте. Может быть, лучше всего в каком-нибудь подвале, в дворницкой. Сделать это необходимо немедленно. А потом обязательно съездить в лес. Это он берет уже на себя.

Игорь Венедиктович все провернул за один день. Договорился с горжилотделом, и вечером Лиза перебралась на улицу Красина в подвальную комнатку, бывшую дворницкую. Работник горжилотдела помог ей обставить комнату, благо в доме уже было много брошенных квартир. Соседки по общежитию (институт еще не уехал) с удивлением смотрели на неожиданный Лизин переезд, но она ничего не объясняла, а они не очень-то и спрашивали.

Наутро Лиза снова пришла к Орлову.

— Ну, устроилась?

— Ага,— ответила Лиза.

Березовая роща была прозрачна насквозь. Стройными рядами стояли деревья, словно приготавились к праздничному параду.

— Эту рощу нам помещик один оставил,— пошутил Игорь Венедиктович.— Был у нас тут такой Сквознов-Печерский. Не слышали?

Нет, Лиза не слышала.

— Рассказывают, интереснейший человек,— продолжал Игорь Венедиктович.— Хозяйство у него не ахти какое имелось, зато лес содержал в образцовом порядке. Консервировал грибы, ягоды, дикую грушу и яблоки, рябину красную и черную. Заводишко имел рядом с усадьбой. Рецепты сам составлял.

— Когда же это было?— спросила Лиза.

— Конец прошлого века, начало нынешнего,— объяснил Игорь Венедиктович.— А в городе у него красивый особняк был. На улице

Салтыкова-Щедрина, знаете, где сейчас женская консультация? Увлекался литературой. Дома у него было нечто вроде салона. Причем взглядов придерживался весьма либеральных. К нему приходили и Достоевский, и Толстой, и юный Вересаев. Следил за дебютом Маяковского. Ездил на похороны Толстого в Ясную Поляну.

— А потом?

— До революции не дожил два года. Оставил завещание — завод передать крестьянам, что так или иначе получилось и помимо него. Знаете, в Кузьминках? А в доме просил устроить литературный музей. Только, увы, мы никак не собрались. Правда, последние годы готовили кое-что и даже новое здание под женскую консультацию начали строить, да вот — война... Теперь уже после войны...

За березовой рощей начались посадки дубов и кленов, а дальше пошла ель.

Они ехали в лес на горкомовской «эмке». Водитель уверенно вел машину — должно быть, не впервой колесил по этим хорошо накатанным лесным дорогам, — видимо, тут часто проходили машины и телеги.

Минут через сорок по краям дороги начались заросли орешника, вдоль ручья тянулся невысокий ивняк.

Лиза не спрашивала, далеко ли еще, но Игорь Венедиктович словно угадал ее мысли:

— Теперь скоро.

В густом лесу открылась поляна, на которой стояли две полуторки, трактор с прицепом и подводы. Несколько десятков мужчин и женщин копали землянки, пилили бревна, перетаскивали с телег и машин мешки с продовольствием.

На самодельном столе стоял патефон. Шульженко пела какой-то романс.

Игоря Венедиктовича тут знали многие. Одни подходили, здоровались, другие приветствовали его кивком.

— Пойдем, — сказал он Лизе и направился к одной из землянок. Спустились вниз, в прохладу.

Землянка большая, пол устлан еловыми ветками, у входа плащ-палатка. Посредине большой стол с лавками по краям, сбоку нары в два ряда.

— О-о! — неожиданно вырвалось у Лизы.

Ей, маленькой, даже эта просторная землянка показалась чуть ли не дворцом.

— Это штабная, — пояснил Игорь Венедиктович, — а теперь сюда.

Он откинул плащ-палатку в противоположной стороне, и они попали в глубокую траншею.

— Будешь ходить сюда, — пояснил Игорь Венедиктович. — Когда потребуется, конечно.

По траншее они прошли в другую землянку, еще более просторную. Тут широкие нары были с двух сторон.

— Это санчасть или госпиталь, как хочешь,— сказал Игорь Венедиктович.

Дальше оказалась траншея под углом в сорок пять градусов.

— Там еще строят.— Игорь Венедиктович остановился.— В общем, все землянки соединяются окопами, а левее, за ручьем,— землянка с наблюдательным пунктом. Это приблизительно в километре отсюда.

Они вернулись к машине.

— Теперь поехали.

— В город, Игорь Венедиктович? — спросил шофер.

— В город, с заездом во второй продмаг.— И добавил, обращаясь к Лизе:— Запоминай дорогу как следует.

В городе они остановились у магазина. Вернее, подъехали к нему со двора, с черного хода.

Игорь Венедиктович позвал Лизу с собой.

Они вошли прямо в кабинет директора, поздоровались.

— Давай мне все, что есть, начиная с муки,— обратился к директору Игорь Венедиктович.— Как, кстати, с мукой? Пуд дашь?

Директор ответил, что даст.

Тут же отвесил пуд муки, два килограмма сала, несколько батонов колбасы, сахар, крупу, макароны, соль, десять пачек чая, еще что-то. Продавщица передвигала костяшки на счетах.

Лиза не знала, кому предназначались эти продукты.

— Да, а постное масло,— вспомнил Игорь Венедиктович.— Банка найдется?

Налили полную банку, три литра.

Игорь Венедиктович достал бумажник, рассчитался.

Все погрузили в машину.

— Теперь на Красина,— дал команду Игорь Венедиктович шоферу. И обратился к Лизе:— Дом тринадцать?

Она кивнула.

— Славное число,— усмехнулся Игорь Венедиктович.

Подъехав к дому, они перенесли все в Лизину комнату.

Лиза пыталась возражать:

— Зачем? Да как же так? А деньги?

— Не морочь голову,— сказал Игорь Венедиктович,— так нужно. А деньги? Потом, после войны, рассчитаемся. Теперь так...— Он осмотрел комнату и особенно пол. Нашел какие-то клещи, подцепил две доски.— Если... В общем, если придут немцы, продукты спрячь под пол. Поняла?

— Поняла,— шепнула Лиза.

— Ну, пока.

Они с шофером уехали.

Лиза разложила продукты, потом, почувствовав вдруг неимоверную усталость, почти не раздеваясь, легла на кровать.

Она еще никогда не была такой богатой.

А ночью ей снился Игорь Венедиктович в лесной землянке — высокий, красивый, сильный, и она стояла рядом — маленькая, горбатая, несчастная. Как в эту минуту ей тоже хотелось быть красивой! Ведь лицо у нее вроде ничего, а вот горб — будь он проклят!

И Лиза долго плакала во сне. Когда проснулась, лицо ее было мокро.

Елизавета Павловна отложила кроссворд, остались незаполненными четыре строки, три по горизонтали, одна по вертикали, и достала пакет с фотографиями Игоря. Их было совсем немного, этих фотографий, и она знала их наизусть.

Вот последняя, кубинская. Игорь прислал зимой. Он в штатском на фоне пальм и какого-то здания, в сомбреро. На Кубе он жил уже четвертый год — так долго длилась командировка. Даже на ее семидесятилетии не был. Не удалось вырваться. Прислал телеграмму. Она вся истосковалась по нему, а в Москве Игоря ждали Клава и маленькая Оленька...

А этот снимок сделан перед отлетом на Кубу. Игорь в летной форме, рядом жена и дочка, совсем крошечная, только что начавшая ходить...

Это он с Клавой после окончания училища.

Это — курсант.

Это — в десятом классе с товарищами...

Несколько детских. В первом классе и в детском саду. Взяла в руки самую пожелтевшую. Сорок восьмой год. Единственная фотография, где она вместе с годовалым сыном. Их снимал старый друг, бывший партизанский фотограф Фрол Матвеевич. Тогда, в сорок восьмом, он уже работал в ателье на Салтыкова-Щедрина и специально пришел к ней домой.

Сфотографировал и загадочно улыбнулся:

— Молодчина ты, Лизуха, право, молодчина!

Да многие тогда были поражены появлением ее ребенка. И сплетни, наверно, ходили бог знает какие, но правда так никому по сей день и неизвестна.

А Лиза отшучивалась:

— Ветром надуло!

Никто не догадался, и почему она назвала сына Игорем. Кто мог знать, что она любила того Игоря, которого давно уже не было на свете?! Игоря, Игоря Венедиктовича, как она звала его про себя...

Немцы вступили в город в конце сентября. Три дня и три ночи Лиза пряталась в своем подвале, пока на улицах шли бои. И когда все стихло, не выходила еще двое суток.

Потом оделась похуже, взяла в руки плетеную корзинку и решила пойти посмотреть.

На улице Красина было пусто. Только два разбитых трамвайных вагона стояли на рельсах да возле универмага лежал на боку сгоревший троллейбус.

Она направилась к центру. Здесь встретила нескольких немцев, мотоциклиста. На центральной площади, на здании Дворца культуры железнодорожников, висел флаг со свастикой и у подъезда стояли часовые.

На стенах многих домов — объявления. Каждое на немецком и русском языках. Некоторые она мельком прочла. Какой-то немецкий комендант грозился расстрелом. Бургомистр Платонов призывал жителей выйти на работу.

В центре площади, слева от горкома партии, стояла на газоне виселица с тремя трупами. Лиза подошла. Все были мужчины. На каждом дощечка: «Еврей-большевик».

Она никого не узнала.

Обошла еще несколько полупустых улиц и вернулась домой.

Дома спрятала, как велел Игорь Венедиктович, под пол продукты.

А ночью начались первые облавы.

К ней тоже немцы врывались дважды в сопровождении каких-то русских, но быстро уходили.

Утром она узнала, что со станции отправлен в Германию эшелон с парнями и девчатами, а к зданию ТЭЦ гонят людей на восстановительные работы. Вечером она решила сходить туда. Вокруг было довольно много народу, суетились немцы, некоторые с собаками.

До того, как ей идти на улицу Салтыкова-Щедрина, к дому напротив женской консультации, оставалось еще два дня. А именно там ей была назначена Орловым явка, но только в последний день пятидневки от трех до половины четвертого.

За это время она четыре раза подходила с разных сторон к территории ТЭЦ. Работа кипела вовсю. И хотя близко пробраться ей не удалось, она поняла: работы на ТЭЦ завершаются в девять вечера.

Подошла к девяти. Выждала, когда люди стали расходиться, выбрала наугад дряхлого старика, пошла за ним. На Комсомольской догнала, осмотрелась, никого, кажется, вокруг, кроме трех-четырех таких же штатских.

Поравнявшись, спросила:

— Тяжело?

Он остановился, не понял:

— Что тяжело?

— Работать, — сказала Лиза.

— Да уж не мед, с девяти утра до девяти вечера, — сказал старик. — Вот и карточку выдали. Отмечают. Не пришел — расстрел, да и еды не получишь.

Лиза шла рядом. Они понемногу разговорились.

Узнала, что восстановительные работы на ТЭЦ идут полным ходом. Если верить старику, то через пятидневку-другую ТЭЦ даст ток.

— А что ж вы? — вяло поинтересовался старик.

Лиза пожала плечами.

Они попрощались.

Когда на следующий день Лиза шла через площадь Революции к улице Салтыкова-Щедрина, трупы с виселицы уже сняли. Болтались только оборванные концы веревок.

Улица Салтыкова-Щедрина была пустынна. Лишь два немецких мотоциклиста промчались в сторону вокзала да проехала впряженная в здорового рыжего битюга телега с возницей-немцем.

Немец, совсем уже немолодой солдат в неумело надетой пилотке, почему-то помахал Лизе рукой и сказал «Паф-паф».

Напротив женской консультации, где должна состояться встреча, Лиза никого не увидела и прошла два квартала вперед. Потом вернулась назад. Снова целый квартал.

Здесь ее окликнули:

— Горбатенькая!

Ох, как делалось больно и было нестерпимо обидно, когда ее кто-нибудь так называл!

У подъезда стояла старушка, видимо, вышедшая из парадного. Она показала совсем древней. «Из бывших учительниц», — подумала Лиза.

— Вы меня?

— Тебя, если ты Лиза, — сказала старушка. — Давай пройдемся, — предложила старушка и взяла Лизу под руку, свободную от кошелки. Лиза всюду так и ходила с пустой кошелкой. — Значит, первое — ТЭЦ. Узнай срок пуска. Второе: тебе надо устроиться на работу. Лучше к немцам, но так, чтобы по ночам была свободна. Поняла?

— Поняла, — подтвердила Лиза. — Но как?

— Рядом с комендатурой биржа. Возьми паспорт и иди туда. Там работает наш человек. Его фамилия Семенов. Он поможет, — быстро и четко объяснила старушка. И добавила: — С тобой мы встретимся здесь же ровно через пять дней в это же время. Орлов велел тебе кланяться.

— А он в лесу? — обрадовалась Лиза и даже почему-то покраснела.

— В лесу, в лесу.

— А как вас зовут? — спросила Лиза.

— Зови Никаноровной, — ответила старушка. — Семенову сошлись на меня. А я тебя ведь помню по институту.

— Да что вы! А я нет! — призналась Лиза.

— Я на кафедре русского языка работала, — сказала Никаноровна.

Перед отъездом Игоря на Кубу Елизавета Павловна гостила у него в Москве. Когда пришла отпрашиваться к председателю горисполкома, он сказал:

— Какие счета! Поезжайте, ради бога, гостите в Москве сколько нужно.

Евгений Кузьмич совсем недавно стал председателем, до этого работал на заводе автотракторного электрооборудования, и Елизавета Павловна была знакома с ним много лет.

— Хотя, признаюсь, без вас мы будем как без рук, — добавил он.

В Москве Елизавета Павловна пробыла ровно три дня и даже провожала сына на Шереметьевском аэродроме.

Это были счастливые дни. В последнее время она редко видела Игоря, а уж Оленьку и подавно. К Оленьке сразу привязалась, водила ее в детский сад по утрам и вечером приводила домой. Оленька тоже не отходила от бабушки.

Накануне отъезда Игорь, возвращаясь к давнему разговору, снова попросил:

— А может, мама, останешься все-таки у нас? Квартира, сама видишь, большая. Летом дача. И Оленька к тебе очень привязалась. Подумай!

Елизавета Павловна всегда плохо спала, и на новом месте тем более, и последнюю ночь перед отъездом Игоря много думала.

А утром сказала:

— Не сердись, Игорек, но не могу я. Привыкла к городу своему, к работе своей привыкла. Не могу.

— Ну сколько же можно работать, — пытался возразить Игорь. — Тебе же семьдесят скоро.

— А я годов своих не замечаю. И не болею, слава богу. А жить привыкла на людях.

Когда в Шереметьеве Игорь и его друзья, авиационные специалисты, уже сели в самолет, об этом заговорила и Клава:

— Подумайте, Елизавета Павловна, очень прошу вас. Как бы было хорошо!

Но Елизавета Павловна почему-то вспомнила Евгения Кузьмича, девочек-секретарш, других работников исполкома и повторила:

— Не сердитесь, Клавушка! Никак не могу!

В поезд, когда возвращалась домой, мучилась. Обидела Игоря. Обидела Клаву. И Оленька такая славная! Какая упрямая старуха! Неужели не могла пойти навстречу людям? А что? Не могла и не могу! И не хочу. Даже не желаю! Игоря в люди вывела одна. Вон он какой! На Кубе потребовался! А теперь, извольте, буду жить, как жила.

И она постепенно, под мерный стук вагонных колес, успокоилась. Смотрела в окно. Пролетали ярко-рыжие осенние леса и сжатые поля. Появлялись впереди и внезапно за поездом исчезали речки и ладно отстроенные деревни. Поезд гулко грохотал, пробегая через мосты,

и замедлял ход у платформ. На сердце у Елизаветы Павловны было хорошо, как у человека, выполнившего свой долг.

Думала о своей судьбе.

Странная, конечно, она у нее сложилась.

Почему не доучилась после войны в пединституте? Стала бы учительницей. Или в медицину могла податься. Например, окончить курсы медсестер. Ведь любила это дело. Газетчика, конечно, из нее бы не получилось. Это только в войну она дурака валяла в немецкой газетенке, а так, быть журналистом — надо не только любить это дело, но и иметь талант, а уметь писать — это не кроссворды решать!

Вот так и получилось, что всю жизнь курьером...

Но, может, и хорошо?

Всегда на людях и постоянно чувствуешь свою, хотя и маленькую, полезность.

Конечно, хорошо!

На бирже оказалось немало народу. И это несмотря на то, что уже несколько эшелонов было угнано в Германию, многие работали на восстановлении ТЭЦ, и город казался полупустым.

Лиза нашла господина Семенова (догадалась, что так его надо называть) и, когда он освободился от дел, присела на предложенный стул:

— Я от Никаноровны.

— Понятно, понятно, — сказал Семенов. — Сейчас что-нибудь придумаем. Паспорт?

Она протянула свой паспорт.

Думал Семенов долго, спросил только про образование и опять молчал.

— Пожалуй, так, — произнес он наконец. — Образование у вас хорошее. И работу я вам предложу, мне кажется, неплохую. Писать умеете?

— Писать? — не поняла Лиза. — Вроде...

— Я не о том. Немецкое командование собирается начать выпуск газеты «Русский голос» для населения. На базе типографии «Рабочего пути», что ли, благо она сохранилась хорошо...

— Да вы что! «С ума сошли?» — чуть не сорвалось у Лизы. — Чтобы я в этом, — она чуть не сказала «грязном», — листке!..

— Не кипятитесь! Не кипятитесь! — успокоил Семенов. — Наши люди, вы понимаете, я подчеркиваю, «наши», всюду нужны. Наконец, есть дисциплина.

— Чья дисциплина? — опять не выдержала Лиза.

— Наша. — Семенов выразительно посмотрел на нее и еще раз повторил: — Наша!

— Я не умею работать в газете, — сказала Лиза.

— Ничего, научитесь. Думаю,— поправился он,— должны научиться.

Лиза сникла.

Семенов продолжал объяснять:

— Шеф-редактором газеты назначен господин Штольцман, из прибалтийских немцев. Его заместителем — господин Евдокимов... Он здешний. Не знаю, кем и где он работал, но здешний. Как вы понимаете, это не мои кадры. А вы и Александра Васильевна Жукова, студентка университета, будете сотрудниками. Ну, плюс, конечно, корректура, работники типографии. Эти все уже подобраны...

Семенова позвали в соседний кабинет. Он извинился:

— Я сейчас.

Лиза осмотрелась. В большой комнате стояло шесть столов, и у каждого толпилось по несколько человек. Стол Семенова был самый громоздкий, и она сидела возле него одна.

«Наверное, Семенов какой-то начальник»,— подумала Лиза.

Скоро он вернулся.

— Понимаете ли, Елизавета...,— он заглянул в паспорт,— Павловна, есть масса блистательных возможностей делать хорошую, нужную людям газету. Но прошу вас и Александру Васильевну об одном: не зарываться! Александре Васильевне, впрочем, я это уже сказал. Итак, как говорится, с богом! Завтра же выходите на работу. Адрес, надеюсь, знаете. Немцы — люди аккуратные. Не опаздывайте. В восемь ноль-ноль.

Так она попала тогда в «Русский голос».

Вернувшись из Москвы, Елизавета Павловна появилась в исполкоме чуть свет. Секретарши еще в приемной не было, но в кабинете она услышала голос Евгения Кузьмича. Он говорил по телефону.

Она приоткрыла дверь.

— Заходите, заходите,— кивнул Евгений Кузьмич и, закончив телефонный разговор, попросил: — Ну, выкладывайте, как там ваш кубинец!

— Вы что-то рано,— сказала Елизавета Павловна.

— Да у нас сегодня жилищная комиссия,— объяснил председатель. — Дел завал! Ну так как?

Елизавета Павловна рассказала про Москву, не упустила ни невестку, ни внучку и, конечно, больше всего про Игоря.

Под конец, засмущавшись, сообщила о просьбе сына и невестки:

— Не знаю, может, и не права я, но не согласилась.

— И правильно сделали,— поддержал ее Евгений Кузьмич. — И потом, как же мы без вас?

Уже выходя из кабинета председателя, Елизавета Павловна вспомнила:

- Да, Евгений Кузьмич, пролив из восьми букв, первая «л»?
- Лаперуза,— засмеялся Евгений Кузьмич.— Как, годится?
- Ой, точно,— обрадовалась Елизавета Павловна...

Наутро Лиза пришла в редакцию «Русского голоса». На месте был только Евдокимов, мерзкий тип лет пятидесяти, с торчащими, как у африканского слона, ушами и лысым черепом. Он, кажется, с не меньшим презрением посмотрел на Лизу, чем она на него. Потом показалась Александра Васильевна, которую Лиза сразу стала называть Шурой, и, наконец, последним появился господин Штольцман, высокий, подтянутый, в немецкой форме.

Он пригласил всех на совещание и долго, нудно, с чисто немецкой дотошностью говорил о газете, о ее задачах, о возможных каналах распространения.

В заключение сказал:

— Первый номер мы должны выпустить через три дня.

По-русски он говорил безупречно.

И хотя номер этот на две трети состоял из официальных немецких материалов — победных сводок, перевода речи Геббельса, распоряжений местных властей, — Лизе и Шуре пришлось немало побегать по городу в поисках разной информации. Получились, конечно, крохи.

Лиза чувствовала и понимала, что Шура свой человек и ей можно доверять, но сохраняла осторожность. Поэтому, когда у нее родилась мысль, связанная с ТЭЦ, она не стала делиться с Шурой, а пошла прямо к Штольцману.

— Господин Штольцман,— сказала она,— вы сами знаете, как у нас трудно обстоит дело с местной информацией. Вот я и подумала: сейчас задача номер один — пуск ТЭЦ. Может, я схожу туда и соберу материал?

Штольцман вроде с интересом посмотрел на Лизу.

— Хорошо, я посоветуюсь,— ответил он.

На следующее утро он передал Лизе специальный пропуск.

— И постарайтесь взять несколько интервью,— посмотрев на нее сверху вниз, брезгливо бросил он.

Лиза была уже и не рада своей затее. Она знала смысл слова «интервью», но как его «брать», не имела никакого представления. Да и потом она же горбатая! Защемило давней тоскою сердце: как она, такая маленькая, уродливая, будет общаться с людьми? Станет ли кто с нею разговаривать серьезно? В этот момент Лиза снова пожалела, что тогда растерялась и не сумела убедить Семенова не направлять ее на работу в «Русский голос». Да разве с ее характером, с ее внешностью, с ее замкнутостью заниматься газетным делом?

Долго, волнуясь, выпрашивала она у Шуры, как «брать» интервью, как вести себя, что говорить. Шура сама толком не знала, как это делается...

Потом все-таки отправилась на ТЭЦ. Шла медленно, с трудом поднимая ноги от земли: что ждет ее там? На ТЭЦ Лиза пробыла почти три часа. И, кажется, сумела взять ненавистные интервью — одно у немца-наладчика, другое — у русского. Правда, разговаривали с ней нехотя и как-то снисходительно, словно с ребенком, задающим в неподходящий момент пустые вопросы...

Но она узнала главное — пуск ТЭЦ намечен на десятое октября. Информация ее прошла в номер, который вышел на следующий день.

Странная это была газета — «Русский голос».

С одной стороны, она как бы заигрывала и сюсюкала со своими читателями. А с другой — всячески запугивала их сообщениями о репрессиях и расстрелах, глупо-восторженными сводками и цитациями из речей Гитлера, Геббельса, Риббентропа и Геринга. Были и смешные информации о переименовании улиц и площадей. Площадь Революции стала площадью Гитлера. Проспект Сталина — проспектом Гинденбурга. Проспект Ленина — проспектом Кайзера. Улица Салтыкова-Щедрина — Берлинской, Красина — Одерской, Колхозная — Дрезденской. Переулок Короленко — переулкем Шпрее. Соновский — Зигфрида... Русские названия вытравлялись, но, чтобы сообщить новые, приходилось называть старые.

Через несколько дней Лиза, теперь уже с благодарностью к Семенову, поняла, что у работы в «Русском голосе» есть несколько неоспоримых преимуществ. Во-первых, эту газету почти никто не читал, несмотря на все старания немцев. Во-вторых, режим в редакции был относительно вольным. И уж раз она могла свободно ходить по городу и даже побывать на ТЭЦ, то и впредь надо не упускать подобных возможностей. Наконец, в редакции был радиоприемник, по которому днем Штольцман и Евдокимов слушали Берлин, а вечером Лиза и Шура — Москву. Правда, сводки были удручающие, но все же спокойный, уверенный, родной голос диктора вселял надежды.

А у Шуры, несмотря на предупреждение Семенова, все время рождались отчаянные, порою сумасбродные планы диверсионных акций. То она хотела так построить очередную информацию, чтобы заглавные буквы ее слагались в слово «Россия». То придумывала антисоветскую карикатуру на манер загадочной картинки, перевернув которую можно было прочитать «Гитлер — капут». То еще что-то в таком духе.

Лиза тоже старалась что-то придумать и однажды пришла к Штольцману (Евдокимова она старалась избегать).

— Вот, посмотрите, может быть, годится для газеты?

— Что это? — На лице Штольцмана появилось обычное, когда он видел Лизу, выражение скуки и досады.

— Кроссворд. — Лиза вся внутренне сжалась. — Для привлечения читателей.

Штольцман покрутил кроссворд и так и эдак.

Сказал:

— Заполните мне квадратики.

Лиза заполнила, принесла шефу.

— Горький, Аксаков, Мазепа, Языков, Толстой, Достоевский, Гоголь, Нос, Апухтин, Надсон, Есенин, — вслух читал шеф-редактор. — Почему одни русские имена?

— Но ведь у нас газета для русских читателей, — пояснила Лиза.

— Да-а, — протянул Штольцман. — Вы считаете, что это может привлечь читателей?

— Мне кажется, что да.

— Пожалуй, — согласился Штольцман и поставил визу.

«Ну уж второй я тебе такой придумаю!» — обрадовалась Лиза. Первый кроссворд прошел без приключений. Шеф-редактора где-то даже похвалили за выдумку. Или он сам так подал себя.

В типографии машину-«американку» крутили руками. Электричества еще не было. Крутили все — и рабочие, и корректоры, и Лиза, и Шура, и для вида даже Штольцман с Евдокимовым.

— Давай песок в машину подсыпем? — шепотом предлагала Шура.

— Ты вспомни, что тебе говорил Семенов: не зарываться, — охлаждала ее пыл Лиза.

Тираж газеты — тысяча экземпляров, — конечно, из-за кроссворда не повысился, но Лиза с энтузиазмом сочиняла следующий, на сей раз целиком иностранный. «Вы сжигаете книги Гейне, а я вам и Гейне подсуну», — думала Лиза.

Этот кроссворд получился интересней. Гете, Вагнер, Гофман, Клейст, Валькирия, Гейне, Гауптман, Гримм...

— Кто такой Клейст? Не знаю, — спросил шеф-редактор.

— Драматург и новеллист девятнадцатого века.

Штольцман завизировал.

Третий кроссворд Лиза сделала географическим, из названий немецких городов, связанных с революционными событиями. Шеф-редактор завизировал его, ни о чем не подозревая.

Кроссворды стали появляться часто.

В назначенный день под предлогом сбора информации Лиза отправилась на улицу Салтыкова-Щедрина. Никаноровна ее уже ждала.

Погода была промозглая, мерзкая. Несколько раз выпадал снег, но быстро таял. Улицы были заполнены мусором, обрывками объявлений и газет, блестели малыми и большими лужами. По Салтыкова-Щедрина тянулись немецкие обозы с мешками и ящиками. Проехала колонна мотоциклистов с броневишком во главе. За ней опять обоз. Лошади, как на подбор, рыжие, могучие, с розовато-белыми мордами.

— Знаю, работаешь? — спросила Никаноровна.

— Да.
— Довольна?
— Ну, как вам сказать.
— Ничего, ничего, дело нужное. Как с ТЭЦ?
— Десятого октября.
— Точно?
— Перепроверяла. Даже в газете у нас писали.
— Ты бы хоть газетку свою принесла.
— Не догадалась.
— Теперь постарайся почаще бывать на вокзале или в районе его, — сказала Никаноровна. — Смотри за проходящими эшелонами. Это раз. За проходящими мимо. Это два. А встретимся с тобой, как и всегда, здесь же.

Они расстались.

Десятого октября ТЭЦ действительно дала ток.

А в ночь на одиннадцатое город потряс взрыв.

Лиза вскочила с постели: «Неужели ТЭЦ? Но сколько же туда надо было доставить взрывчатки и как? Явно в городе подпольщики!»

До утра она уже не спала.

Чуть свет побежала задними улицами к ТЭЦ. Еще издали увидела — развалины.

Днем солдаты ставили на центральной площади новые виселицы. Через час на трех из них висело девять человек. После работы Лиза подошла поближе. Среди них узнала того старика, с которым вместе недавно шли с ТЭЦ. На груди каждого — дощечка с надписью: «Бандит».

Никогда Елизавета Павловна не лгала никому. И Игорю, конечно. Но существовала в ее жизни тайна, из-за которой ей лгать приходилось. Но это была святая ложь.

Когда Игорю исполнилось шестнадцать лет (он учился в восьмом классе), настала пора получать паспорт.

Скрепя сердце Елизавета Павловна достала его свидетельство о рождении.

Игорь никогда не спрашивал об отце. То ли не хотел беспокоить мать, поскольку сама она молчала, то ли просто чувствовал, что этот вопрос задавать не надо.

А тут в графе «отец» увидел прочерк и, чуть заикаясь, сказал:

— Ты никогда не говорила, мама, об этом... но что, у меня действительно нет отца?

«Он погиб», — хотела ответить Елизавета Павловна, но что-то остановило ее.

И она устало, стараясь смотреть ему в глаза, произнесла:

— Считаю, Игорек, что у тебя отца нет.

— А почему я Венедиктович? — спросил Игорь.
— Так, был один очень хороший человек.
Это был первый и последний их разговор об отце.

Каждую свободную минуту Лиза ходила к вокзалу, иногда чуть дальше — к сортировочной. Она считала эшелоны, и разгружающиеся и проходящие мимо. Большая часть эшелонов шла на восток. Она старалась запоминать все, а вечером эти данные переносила на бумагу.

У Лизы был теперь пропуск, «аусвайс», даже с правом хождения во время комендантского часа. Но этим Лиза не пользовалась.

После взрыва ТЭЦ в городе каждую ночь проходили облавы, на стенах домов появились новые страшные приказы коменданта и бургомистра Платонова, улицы постоянно патрулировались.

Как условились, к трем часам Лиза направилась на встречу с Никаноровной. Утром она успела засечь еще три эшелона — один разгружающийся с лошадьми и походными кухнями на сортировочной и два прошедших с танками и зенитными орудиями.

В три Никаноровны на месте не оказалось. Не появилась она и в половине четвертого. И в четыре.

Лиза забеспокоилась, к тому же по улице уже несколько раз прошел патруль, и решила вернуться в редакцию.

Ночью спала плохо. На следующий день на всякий случай опять появилась в три часа на условленном месте, но Никаноровны по-прежнему не было.

По пути в редакцию она прошла через площадь Революции и заметила перемены. Трупы с виселиц были сняты. Остался только один. Лиза подошла ближе и с ужасом узнала Никаноровну. Все лицо ее было разбито. На груди табличка: «Партизан».

В редакции она увидела фотографию повешенной Никаноровны и информацию, подготовленную Евдокимовым. В ней с восторгом живописалось о поимке крупной партизанки и намекалось на ее причастность к взрыву ТЭЦ. «Так будет с каждым, кто выступает против нового порядка, утверждаемого победоносной германской армией», — заканчивалась заметка.

Лиза была в отчаянии: «Что делать? Что делать?»

Время словно остановилось, и она никак не могла дожидаться окончания рабочего дня. А тут еще шеф-редактор послал их с Шурой крутить печатную машину. Ведь электричества не было.

Лишь около девяти часов Лиза вернулась домой.

Есть она не могла; не раздеваясь, тяжело опустилась на постель. Сидела так час-два, а может, и больше.

Наконец приняла решение: «Пойду! Будь что будет, а все равно пойду!»

Пока она шла по городу, два раза сработал пропуск — и патрули

отпускали ее. На окраине стала осторожнее, все чаще оглядывалась по сторонам.

Миновав последний мостик, она направилась по грунтовой дороге в сторону леса. Тут было тихо, пустынно и от этого еще страшнее. На небе, как назло, появилась неполная луна, освещающая дорогу.

Она почти побежала и вот наконец нырнула в лес. Остановилась, передохнула и вновь двинулась вперед. Шла долго.

Часа через два ее окликнули:

— Стой!

Она крикнула:

— Да своя я!

— Пароль! — приказали из кустов.

Никакого пароля она не знала.

— Своя же я, говорю!

Двое вылезших из кустов мужчин с удивлением рассматривали ее.

Один сказал:

— Кажется, я видел ее летом с Орловым.

— Да, да, я была здесь с Игорем Венедиктовичем, — заторопилась она, — а сейчас мне очень он нужен. Очень. Это срочно, поверьте.

Дозорные переглянулись.

— Ну что ж, пойдем, — сказал один из них, — а ты, Золотов, оставайся.

Они прошли с полкилометра. Вдали, на поляне, Лиза увидела небольшой костер и людей, сидящих у огня.

Вскоре они оказались у знакомой землянки.

— Так вам обязательно Орлова? — спросил ее сопровождающий.

— Лучше его, — подтвердила Лиза.

Сопровождающий нырнул в землянку, попросив Лизу подождать.

Вскоре из землянки в накинутах на плечах ватнике вышел Игорь Венедиктович.

— Что случилось? Что за самодеятельность? Кто вам разрешил сюда являться? — В голосе его прозвучали тревога и явное неодобрение.

Лиза, сбиваясь, рассказала о том, что повесили Никаноровну, протянула записку с данными о немецких эшелонах.

— Зайдем, — уже мягче сказал Игорь Венедиктович.

Они спустились в землянку. На столе горела коптилка. У двери сидел связист — совсем молодой парень. Остальные спали на нарах.

Орлов подошел к нарам, потряс кого-то:

— Леонид Еремеевич, а Леонид Еремеевич!

С нар поднялся заспанный человек, и Лиза сразу узнала его. Это был директор пятой школы, где они проходили практику.

Орлов рассказал про Никаноровну.

— Какое несчастье! — воскликнул Леонид Еремеевич.

Потом они долго рассматривали Лизины записи. Лиза согрелась — в землянке было тепло. Ее клонило ко сну.

— А сейчас есть и спать! — Игорь Венедиктович похлопал ее по плечу и посмотрел на часы. — До четырех спать! В четыре пойдешь назад. А мы тут с командиром покумекаем, как жить дальше, — сказал он.

Потом добавил:

— В городе есть подполье. ТЭЦ — это их работа. А мы здесь ни при чем.

Ее накормили и уложили на нары в противоположном углу.

Казалось, не проспала и минуты, как ее разбудили:

— Пора!

На столе стоял стакан молока, лежал хлеб.

— Поешь!

Пока она ела, Леонид Еремеевич говорил:

— Данные ты собрала очень нужные. Спасибо. Теперь у нас, к сожалению, пока нет надежной связной. Приходи, как сейчас, только ночью. Допустим, через пять, нет, пожалуй, лучше через шесть дней. И постарайся узнать, где живет Платонов. Есть ли охрана. Расписание его дня. В общем, все, что можно. Договорились?

— Хорошо, — сказала Лиза.

Она покинула лагерь и затемно вернулась в город. На улице Красина ее остановил патруль, но все обошлось.

Когда Игорь познакомился с Клавой, он долгое время скрывал это от нее. Она ничего не знала, но интуиция матери подсказывала: у сына кто-то появился. Раньше Игорь часто звонил, иногда писал, а тут почти никаких вестей.

Елизавета Павловна позвонила ему сама в общежитие — он кончал тогда училище, — с трудом нашла, стала журить:

— Уж не влюбился ли?

— Откуда ты знаешь?

— Догадываюсь.

— Да, мама, ты угадала...

— Так вот не валяй, Игорек, дурака, а забирай свою зазницу — и ко мне. Устроим смотрины и еще эту, как она называется, помолвку.

Как-то в очередной выходной они приехали.

Елизавета Павловна старалась быть придирчивой, но Клава ей сразу пришлась по душе. Правда, девушка смущалась, то ли от робости, то ли потому, что видела перед собой горбатую немолодую женщину. За долгую жизнь Елизавета Павловна, казалось, привыкла к этим удивлениям и нескрываемому любопытству, но всякий раз начинало больно колотить в висках и под ложечкой появлялось ощущение тяжелой пустоты.

Игорь и Клава пробыли у нее весь день. Отметим помолвку. Потом долго гуляли по городу, который очень разросся и отстроился

в послевоенное время. Игорь хотел было зайти на базар, но Елизавета Павловна, словно не расслышав, утащила его на улицу Салтыкова-Щедрина. Нынешний базар напоминал ей лагерь немецких военнопленных, и она не могла туда идти с сыном. А на Салтыкова-Щедрина она все рассказывала про странного помещика Сквознова-Печерского, все, что знала со слов Игоря Венедиктовича.

Вечером они уезжали, и Елизавета Павловна провожала их на вокзал.

— Сынок, когда думаешь свадьбу-то?

— Не знаю пока еще. Если все будет хорошо, как только кончу училище,— согнувшись почти вдвое, шептал ей Игорь.

Но на свадьбу она тогда так и не попала.

Лиза уже научилась писать для «Русского голоса» небольшие заметки и корреспонденции — кому в этой газетенке было дело до стиля или чистоты русского языка? Главное, факты, факты, факты, пусть искаженные, пустые, но только чтобы все они были свидетельством торжества, разумности и необходимости немецкого порядка...

Работать в таких условиях было невероятно трудно. Чтобы жители города все-таки могли получать необходимую информацию, приходилось выкручиваться, подолгу сидеть над одной фразой. И тем не менее все эти труды зачастую пропадали даром — цензура Штольцмана и Евдокимова была неумолимой...

Лиза узнала, что Платонов живет в бывшем Сосновском переулке, ныне Зигфрида. Дом небольшой, двухэтажный. Без четверти восемь за ним приезжает автомобиль. Дома остается прислуга. Жены и детей у Платонова нет. Обедает дома. Остальное время находится в своей резиденции по соседству с немецкой комендатурой за углом. Да, на ночь у дома Платонова выставляется пост. Днем его нет.

Этого было мало. Надо еще узнать, откуда его привезли немцы, кто он. В городе Платонов был явно человек пришлый.

Лиза долго гадала, как к этому подступиться, и вдруг вспомнила про биржу и Семенова.

Как раз вышел очередной номер «Русского голоса» с двумя объявлениями биржи. Лиза взяла три экземпляра и направилась к Семенову.

Он оказался на месте.

— Вот,— сказала Лиза и положила на стол перед Семеновым газеты.

Семенов посмотрел, поинтересовался:

— Как работаете?

— Ничего,— сказала Лиза.

— Трудно?

— Противно.

Она заговорила о господине Платонове.

Объяснила это так:

— Мы собираемся дать материал о нем. Но, к сожалению, мало что знаем.

— Пятьдесят шесть лет. Житель Смоленска. Бывший работник Госстраха. Это все, что мне известно, — быстро выговорил Семенов.

— Но почему он тогда не в Смоленске? — поинтересовалась Лиза.

— Там его слишком хорошо знают, — переходя на полупшепот, объяснил Семенов. И громче: — Может, попытаться устроить встречу с бургомистром? Попробую попытаться.

Мысль написать о Платонове у Лизы возникла неожиданно, она ни с кем не согласовывала ее в редакции, но подвернувшимся случаем надо воспользоваться.

— А что? Пожалуй!

— Тогда посидите. Я попытаюсь сейчас же. Не думаю, что у господина бургомистра так много дел.

Она улыбнулась.

Семенов ушел.

Лиза осмотрелась. Народу на бирже стало меньше. И все же у каждого стола кто-то сидел. Один-два человека, не больше.

Семенова не было минут двадцать.

— Господин бургомистр примет вас через полчаса, — объявил он, вернувшись. — Вот пропуск.

— К нему тоже пропуск? — удивилась Лиза.

— А как же! Надо быть бдительным, — неопределенно объяснил Семенов.

Лиза погуляла по улице. Погода устанавливалась. На асфальт мостовых и тротуаров лег снежок.

Резиденция Платонова находилась рядом, в бывшем помещении детского сада — небольшом двухэтажном доме. Снаружи часового не было.

Пропуск у Лизы взял немец, стоявший внутри, у лестницы.

Покрутил, посмотрел с усмешкой в Лизино лицо, пропустил.

На втором этаже дежурил еще немец.

Все повторилось.

Охранник махнул Лизе в сторону коридора.

Она прошла мимо комнат, откуда доносился стук пишущих машинок, и открыла дверь с самодельной табличкой «Г-н бургомистр Платонов А. А.».

Здесь сидела немолодая женщина в очках.

Она тоже посмотрела Лизин пропуск, потом, внимательно разглядев ее, буркнула:

— Подождите.

Через несколько минут предложила:

— Проходите!

И открыла дверь.

В довольно просторной комнате, пол которой покрывал ковер, за большим канцелярским столом сидел еще не старый, холеный человек с белым лицом и такими же руками.

— Что вам надо? — холодно спросил он, не поздоровавшись.

— Я... Мы... У нас в редакции «Русского голоса», — начала было Лиза.

— Знаю, это я знаю, — перебил ее Платонов. — Газету вашу читаю. Скажу, много вы там либеральничаете в своей газете. Да-да, либеральничаете! Вместо того, чтобы каленым железом выжигать большевистские привычки! Черт возьми, мы ничего не можем наладить. Ни электричества, ни водоснабжения. Всюду или пассивность, или явное неприятие нового порядка. Диверсии, уклонение от трудовой повинности.

Платонов яростно задыхался.

Лиза слушала его не без удовольствия, но не знала, как ей подойти к главному, ради чего она, собственно, пришла. Ее не интересовала ни биография этого человека, ни то, что он говорил сейчас, но ведь спросить о чем-то надо.

А Платонов продолжал выкрикивать какие-то слова о гуманности немецкой нации, о бунтарской тупости русского народа, о светлых перспективах приобщения к великим идеям фюрера.

Вдруг он иссяк и глубже забился в кресло. Лиза заметила, что руки у него трясутся, а в глазах появился нездоровый блеск. Только лицо оставалось по-прежнему ледовито-бледным.

— Так что? — спросил он как-то вяло.

— Мы хотели бы знать некоторые факты вашей биографии, — робко заикнулась Лиза. — Смоленский, в частности, период...

Платонов молчал.

Потом вроде окончательно успокоился:

— Смоленский? Ничего хорошего там не было. Большевистская зараза охватила всех, даже слои бывшей интеллигенции. Мы не жили, а существовали. В двадцатые годы Советская власть уничтожила моего отца. Мать была вынуждена уехать за границу. Скончалась в Берлине, где я учился. Вернулся с университетским образованием и влачил жалкое существование. Но нет, я был последователен! — Он чуть не взвизгнул. — Я не хотел обслуживать Советскую власть!..

«Все понятно. Теперь-то мне все понятно, — думала Лиза. — Тебя завербовали там. А ты, кроме всего, оказался еще и круглым идиотом. И разведчика из тебя настоящего не вышло. А сейчас немцы просто подобрали тебя, как вещицу, которая может пригодиться».

Разговор не клеился, хотя Лиза и делала вид, что записывает что-то в блокноте.

Секретарша и охранник снова проверили пропуск, а стоявший внизу отобрал его.

Лиза вышла на улицу. И тут же со стороны сортировочной раздался оглушительный взрыв. Треск и грохот падающих вагонов. Через минуту прозвучал второй взрыв, и в небо взметнулись клубы дыма и россыпь искр. Через несколько минут по улицам в сторону железной дороги помчались грузовики с солдатами и мотоциклисты.

Ночью на железной дороге произошел еще один взрыв. Весь день немцы разбирали разбитые вагоны и платформы, восстанавливали пути, а следующей ночью — опять взрыв под колесами эшелона.

За двое суток четыре взрыва!

Четыре эшелона под откосом!

Это явно партизаны.

Лиза как-то не думала о своей причастности к этому. У нее просто было очень хорошо на душе.

У Игоря уже был назначен день свадьбы, и Елизавета Павловна собиралась ехать в Москву, когда ее вызвал бывший председатель горисполкома Аполлинарий Николаевич Игнатов (тот, что ныне работает первым секретарем горкома партии) и поинтересовался:

— Елизавета Павловна, голубушка, вы знаете Калерию Владимировну Богомолкову?

— Конечно, — сказала Елизавета Павловна. — Она у нас читала историю философии в институте.

— Калерия Владимировна очень тяжело больна и, как говорят врачи, нетранспортабельна. Родственников у нее нет. Не навестите ли вы ее? — попросил Игнатов.

Естественно, Елизавета Павловна согласилась.

Когда она пришла к Богомолковой, застала там врача.

Врач развела руками:

— Дело плохо.

Богомолкова была очень стара, а тут инсульт, паралич.

Елизавета Павловна провела у ее постели четверо суток. На пятые Калерия Владимировна скончалась.

Звонить Игорю она не стала, чтоб не говорить грустные вещи, а дала телеграмму: мол, поздравляю, желаю, целую и все такое прочее.

Второе посещение партизанского лагеря прошло более удачно. Лиза меньше волновалась, так как знала, что ее ждали. Лучше, суше была и погода. Сведения о Платонове она добыла. Повезло на сей раз и с патрулями. Ее останавливали несколько раз, но быстро отпускали.

На этот раз она знала и пароль — «наука».

Ее встретили командир отряда Леонид Еремеевич и комиссар Игорь Венедиктович.

Они сообщили, что немцы пытались совершить налет на партизан, но безуспешно. Дошли до опушки леса, но идти дальше, в чащу, не рискнули.

По просьбе командира Лиза начертила планы дома Платонова в Сосновском переулке и его резиденции, указала, где стоят охранники.

— Хорошо бы, конечно, повесить его на площади Революции и написать «предатель», — мечтательно сказал Игорь Венедиктович. Но это было нереально.

Решили попытаться взорвать и дом и резиденцию. Выделили группы взрывников.

Лиза слушала партизан, а сама не отрывала глаз от Игоря Венедиктовича.

«Господи, какая же я дура, — ругала она себя. — Нужна я ему со своей любовью. Была бы человеком, а то уродина...»

Но поделать ничего с собой не могла.

Завтрашний день — выходной, и ей не надо было спешить в город. Договорились, что вернется в следующую ночь, а день проведет в отряде.

Командиры разошлись в начале третьего. Орлов пригласил Лизу за стол:

— Давайте перекусим.

Они поели, потом перешли к чаю.

Лиза рассказывала Игорю Венедиктовичу про редакцию «Русского голоса», про Штольца, Евдокимова, Шуру, про кроссворды и радиоприемник, про печатную машину «американку», которую крутить приходится вручную.

— Этого Штольца и Евдокимова тоже надо бы было уничтожить, — сказала Лиза. — Такие же, как Платонов. Только что сами не вешают...

— Доберемся и до них, — веско ответил Игорь Венедиктович.

Потом Лиза прилегла отдохнуть на нары, и он прикрыл ее своей телогрейкой.

Заснула она с мыслями об Игоре Венедиктовиче.

Взрыв в Сосновском переулке сорвался. Зато не сорвался в резиденции. Ровно в двенадцать. Это было на пятые сутки после возвращения Лизы из отряда. Бургомистр погиб.

Штолец вызвал Лизу и поручил ей писать некролог на Платонова.

Лиза никогда некрологов не писала, но согласилась:

— Только мне нужны какие-то данные о нем. Ведь я вам говорила, что моя встреча с господином бургомистром оказалась малополезной.

Шеф-редактор пообещал.

И действительно, часа через два принес из комендатуры краткие сведения о Платонове и его фотографию.

— Постарайтесь написать поторжественное, не стесняясь в выражениях. Похороны будут по высшему разряду.

Лиза принялась за некролог. Очень хотелось втиснуть в него хоть какую-то правду о Платонове. И кажется, кое-что получилось. Ну, например, начало: «3 ноября 1941 года врагами немецкого рейха убит...» Или концовка: «Русские люди не забудут Платонова А. А. ...» Некролог долго правился, шеф бегал с ним в комендатуру, но эти фразы так в нем и остались.

И уж совсем смешно, что через две недели Лизе удалось сунуть фамилию Платонова в очередной кроссворд, построенный на самых примитивных понятиях (дуб, уздечка, лисица, грабли, молоко и т. д.).

И кроссворд прошел!

Две недели город жил без бургомистра, и вдруг ошеломляющая новость: бургомистром назначен «их» Евдокимов. Штольцман пытался отстоять своего зама, но это не удалось.

— Видно, плохо у них дело с кадрами,— сказала Лиза Шуре,— раз нашего зама забрали.

Евдокимов, кажется, тоже без особого рвения переходил на новую должность. Судьба Платонова ему не улыбалась.

Фронт отодвинулся далеко, но в воздухе война чувствовалась. Эшелонами шли на восток немецкие самолеты. Появлялись и наши, и тогда в небе разыгрывались воздушные бои. В одном из них наш летчик подбил немца.

Трижды немцы прорывались к отряду. Были тяжелые бои и потери. Дважды бомбили отряд с воздуха. Опять потери. Но партизаны выстояли и к Новому году даже разрабатывали план крупной акции.

Решили перейти к активным действиям: взорвать бензохранилище, что находилось на пустыре за зданием разрушенного драматического театра, и склад боеприпасов в районе Колхозной, а ныне Дрезденской улицы. Лизу поставили в известность о предстоящих операциях, и она уже вела кое-какие наблюдения за бензохранилищем и складом. Знала приблизительно численность охраны, время смены постов, движения автотранспорта.

Связь с отрядом укрепилась. Впервые после гибели Никаноровны с середины ноября в городе стал бывать Фрол Матвеевич, «фотограф», как его называли. Он, правда, и в самом деле был любителем-фотографом, не расставался со своим «ФЭДом» и считался фотолетописцем отряда. Они встречались с Лизой регулярно, но уже не на улице Салтыкова-Щедрина, а на Вокзальной площади, у бывшей остановки трамвая.

Немцы тоже готовились к встрече Нового года. Для праздничных торжеств они решили привести в порядок здание драматического театра, частично разрушенное в ходе сентябрьских уличных боев. Каждое утро стогнали они к театру небольшие группы горожан...

Заходивший изредка в редакцию Евдокимов, уже вступивший на новый пост, жаловался, что немцы требуют все больше и больше рабочей силы для восстановления театра, но, увы, в городе лишних людей нет. Улицы не убираются давно, оголены многие участки коммунального хозяйства, некого посылать на работу в Германию.

В начале декабря комендант города полковник Майзель вынужден был отдать приказ о привлечении к работе в театре воинских подразделений. Довольно быстро были отремонтированы разбитые артиллерией стены театра и колоннада, начались внутренние отделочные работы.

Раз в неделю Майзель сам появлялся на объекте, осматривал все хозяйским глазом, давал оперативные распоряжения.

При очередной встрече с Фролом Матвеевичем Лиза рассказала ему об этом и попросила:

— Посоветуйтесь с Леонидом Еремеевичем и Игорем Венедиктовичем. Может, стоит подключить театр к нашему плану? Ведь там соберется все немецкое командование. Штольцман говорил, что у Майзеля даже есть план свезти туда каких-то артистов и устроить спектакль...

Фрол Матвеевич обещал.

А вскоре Лиза и Шура услышали по радио сообщение о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

Это было потрясюще!

Наконец-то! Наконец!

Шеф-редактор Штольцман ходил по редакции злой и не знал, к кому и по какому поводу придраться.

Наконец собрал совещание, на которое пригласил не только Лизу и Шуру, но и трех корректоров и пять рабочих типографии.

Начал Штольцман с откровенной брани по поводу плохого распространения газеты (как будто кто-то из присутствующих был повинен в этом!), потом долго рассуждал о саботаже, хотя не мог привести ни одного примера саботажа в редакции, а закончил тем, что каждый обязан в неделю отработать десять часов в театре.

У него был готов список по дням.

— Прошу расписаться! — бросил он. И добавил: — А теперь вы свободны!

Послевоенный сорок седьмой год был очень тяжелым. Город наполовину стоял в развалинах. Жили по карточкам с мизерными нормами. Когда родился Игорь, у Елизаветы Павловны пропало молоко. Правда, работа в лагере военнопленных давала кое-что.

Пленных кормили приличней, чем ели сами, и Елизавете Павловне удавалось приносить кое-какие крохи. Но не было молока, которое Игорю было необходимее всего.

Однажды, когда она после ночного дежурства в лагере шла на основную свою работу в горисполком, вдруг встретила Фрола Матвеевича — бывшего связного и фотолетописца партизанского отряда. Они не виделись с сорок третьего, когда был освобожден город. Оказывается, Фрол Матвеевич из партизан ушел в армию, дошел до Будапешта и вот только недавно демобилизовался.

Елизавета Павловна пощупала три ряда орденских планок на его груди:

— Ну, герой!

Они разговорились.

Фрол Матвеевич заделался настоящим фотографом и сейчас работает в ателье, там, где городская барахолка.

— Партизанская практика помогла. Да и после войны в Венгрии побаловался фотографией, — сказал он. — А ты-то как, ты?

— У меня колодочек меньше, две всего, — попыталась пошутить Елизавета Павловна. — Зато и работы две.

— Чего же это ты так убиваешься? — искренне удивился Фрол Матвеевич.

Пришлось объяснить, что днем она работает в горисполкоме курьером, а ночью дежурит в лагере военнопленных — медсестрой.

— Тоже партизанская практика помогла, — сказала Елизавета Павловна.

— На кой же ляд тебе эти фрицы! — поразился Фрол Матвеевич.

Что было ответить? Что деньги нужны? Что нужны лишние продукты? Или что фрицы тоже есть разные? Ведь в конце концов не война сейчас.

Она сказала другое:

— Фрол, у меня сын родился, да вот молока нет.

Фрол Матвеевич был ошарашен.

— Сын? У тебя? — Он не скрывал своего удивления.

Она обиделась:

— А что я, не женщина, что ль?

— Да не о том я, — поправился Фрол Матвеевич. — Подожди, но кто же отец-то?

— Ветром надуло, — пошутила она. — А сынишка у меня хороший. Игорем зовут. Жаль только, что приходится его почти все время оставлять на соседку. Ведь я целый день и ночь на работе. Хотя соседка милая женщина, да и своих у нее трое. Давай, говорит, Лиза, и твоего. Все равно к дому привязана. А в детский сад или в ясли сейчас не пробьешься...

Они помолчали.

— Да, ты про молоко говорила, — вспомнил Фрол Матвеевич. —

Пожалуй, тут я тебе могу помочь. Есть у меня, старого холостяка, зазноба в Кузьминках. Ну, жена не жена, а, так сказать, боевая подруга. Писала мне, ждала. А у нее корова.

— Не может быть! — не поверила своим ушам Елизавета Павловна.

— Точно! — подтвердил Фрол Матвеевич. — У нее корова, а у меня мотоцикл. Так что готовь бидон, а остальное за мной.

Партизанский отряд вырос до двухсот человек. А начинали когда-то совсем с малого.

В него входили и многие люди из специально оставленного партийного, комсомольского и советского актива, и вчерашние крестьяне, рабочие, учителя и врачи, и бывшие военнопленные, бежавшие с этапов и из лагерей, и даже один иностранец, словак Мирослав Валец, тот самый, которого взяли в селе Кузьминки и привели в отряд при Лизе.

Полным ходом шла подготовка к новогодней операции. Для бензохранилища и склада были сформированы две группы по семь человек. Раздобыли пятьдесят комплектов гитлеровского обмундирования. В город партизаны поедут в немецкой форме.

В редакции тем временем все шло своим чередом. Штольцман успокоился. В последнее время он близко сошелся с комендантом Майзелем, бывал у него в гостях и всячески старался угодить ему. А Майзель в свою очередь был увлечен театром. Неизвестно, какими путями ему удалось заполучить из разных провинциальных городов певцов, танцоров и музыкантов, которые чуть ли не каждый день прибывали в их город. «Русский голос» из номера в номер называл имена разного рода знаменитостей, давал их биографии, сообщал о репетициях оркестра и подготовке декораций. Все чаще мелькало на страницах газеты имя какого-то фон Мекка, художественного руководителя предстоящей программы. В двадцатых числах декабря на первой полосе «Русского голоса» появилась фотография стоявшего перед зданием театра грузовика с огромной елкой.

Об этом не сообщалось, но все видели, как к зданию театра подогнали походную электростанцию на двух грузовиках-тягачах. Значит, и электричество в театре будет.

Группа городских подпольщиков во главе с Иванцовым брала на себя театр. Лиза не видела Иванцова, но слышала о нем не раз.

...Наступило рождество. У Майзеля да и у многих других высших и средних офицеров все чаще устраивались праздничные вечеринки и приемы. Солдатам и унтер-офицерам увеличили норму выдачи шнапса. Дома и казармы, где жили немцы, украсились елками. По вечерам на них зажигались свечи.

Шеф-редактор Штольцман все чаще приходил в редакцию под градусом, собирал подчиненных в своем кабинете и подолгу

разглагольствовал о великой освободительной миссии Гитлера и прочих неисчислимых благах, которые несут всем солдаты третьего рейха.

После одного из таких совещаний он попросил Лизу подготовить к новогоднему номеру кроссворд на немецком материале, а Шуру всеми правдами-неправдами найти в городе художника, который мог бы изобразить дружески, с улыбкой господина полковника Майзеля в виде покровителя искусств.

Шура довольно быстро нашла способного мальчика, четырнадцатилетнего Юрика, который согласился нарисовать Майзеля. Композиция «дружеского» рисунка у него получилась сразу: фон — здание драматического театра со всеми шестью восстановленными колоннами, вокруг в облачках лиры и нотные знаки, балетные пары в пачках, эквилибристы и саксофонисты, скрипки, трубы, флейты и даже арфы, которых не предполагалось в программе. Но вот с Майзелем дело хуже. Одно изображение его на первом плане было хуже другого: физиономия садиста, палача, дегенерата.

— Ну, Юрик, умоляю, поласковой! — просила Шура.

Лишь какой-то двенадцатый вариант она решилась показать Штольцману.

Шеф-редактор долго рассматривал рисунок, вертел его в руках, то поднося близко к лицу, то как можно дальше отодвигая от себя, и наконец заключил:

— Грубо! Смягчить, еще смягчить!

И Юрик смягчил. Майзель выглядел добродушно-глуповатым.

— Пожалуй, это пройдет, — сказала Шура и направилась к шефу.

Тому вроде понравилось, но обещал согласовать с самим Майзелем.

На следующее утро он принес рисунок.

На нем стоял автограф Майзеля.

До Нового года осталось чуть больше часа. Лиза знала время взрыва: одиннадцать ноль-ноль, пока в театре еще идет концерт, и все же не находила себе места. Понимала, что делает глупость, но ближе к одиннадцати вышла из дома и направилась к центру: в конце концов у нее есть пропуск.

Лиза беспокойно посматривала на часы. Без пяти одиннадцать. Одиннадцать. Одна минута, вторая, третья. Что ж это такое? Почему тихо? Четвертая минута, пятая. Или часы ее неправильно пошли?

И вот наконец-то взрыв. Черный столб дыма и языки пламени взвились на пустыре за театром. Один удар, второй, третий. Это рвались бензобаки. Огонь над бензохранилищем полыхал уже вовсю, а на складе по-прежнему было тихо. Только потом выяснилось, что немцы перехватили партизанскую группу и целиком ее уничтожили.

Над городом выли сирены.

По улицам неслись бронетранспортеры, мотоциклы с солдатами.

Мимо Лизы, не замечая ее, пробежал немецкий патруль. Немцы почему-то мчались в сторону бензохранилища.

В верхних окнах театра Лиза заметила вспышки огня. Лопались стекла, красно-желтые языки охватывали рамы. Через парадные двери, сломавшиеся под напором бегущих немцев, Лиза увидела полыхающую елку. Даже елка горит, а ведь там, в вестибюле, были накрыты столы для предстоящего торжества.

Лиза прошла через площадь Революции и свернула в сторону Колхозной, чтобы посмотреть, что делается у складов. Она ускорила шаг. На Колхозной мимо промчался грузовик с немцами в кузове, и Лиза, то ли ей почудилось, то ли это было на самом деле, услышала русскую речь. Что-то вроде: «Жми! Жми! Вася, скорей!»

Лиза вернулась на площадь Революции как раз в двенадцать.

Подумала: «Вот и Новый год».

И тут увидела, пораженная: фашистский флаг со здания комендатуры был сорван. Тряпка со свастикой валялась на снегу слева от входа, а часовые как ни в чем не бывало стояли, замерев у двери.

Это было непредвиденное чудо. Значит, нашелся какой-то смельчак из жителей, который сумел воспользоваться паникой и сорвал флаг.

Первого января день был свободный, но в половине восьмого к Лизе прибежал запыхавшийся метранпаж и сказал, что Штольцман срочно вызывает всех в редакцию.

В восемь, даже не перекусив, Лиза была в редакции. Все собрались. Злой, мрачный Штольцман беспокойно ходил по кабинету в накинутах шинели. Плечо и левая рука были на перевязи. Лицо сине-бледное.

Когда все сели, он произнес:

— Совершенно страшное преступление. Теперь никакой пощады. Погибли полковник Майзель, бургомистр, наш господин Евдокимов, другие офицеры. Взорвано бензохранилище. Готовился к взрыву склад боеприпасов. Будем срочно выпускать номер. Сейчас получим из комендатуры соответствующие материалы. Во-первых, списки всех гражданских лиц, захваченных в театре. Они будут повешены. Во-вторых, надо немедленно подготовить некролог на Евдокимова. Это ваша задача.— И шеф-редактор показал здоровой рукой в сторону Лизы.— Некрологи на господина полковника Майзеля и других офицеров поступят из комендатуры...

Все это Штольцман произносил бесстрастными рублеными фразами, но вдруг стал срываться, переходя на крик:

— Большевиков надо душить! Понимаете, душить! Партизанское отребье будет уничтожено! Немецкое командование вытравит из нор всех партизан! И вы! И вы! Смотрите у меня! Благодарите господа бога, что еще ходите по земле! Я не потерплю любого отклонения от дисциплины. И только попробуйте допустить какие-либо вольности! Прямой путь на виселицу! Слышите, на виселицу!..

Он еще долго истерически кричал в том же духе, поправляя повязку на руке и плече, набрасывая сползавшую шинель.

Под конец взвизгнул:

— Все! Идите!

Несмотря на редакторский разнос, настроение у Лизы и Шуры было прекрасное.

— Здорово, — шепнула Шура.

Лиза засела за некролог.

Вскоре в редакции появился метранпаж, тот, что приходил за Лизой домой, шепнул:

— Вас ждут на улице, во дворе.

Лиза накинула платок и пальто и спустилась по черной лестнице во двор, куда выходили окна типографии.

Во дворе, прячась у подъезда, ее ждал Семенов.

— Надо срочно уходить, — зайдя в дверь, сказал он. — Срочно, немедленно. Немцы лютуют. Окажемся все на виселице, — продолжал Семенов. — Кроме того, на третье января назначена крупная карательная операция против партизан. Надо предупредить.

Лиза, конечно, была согласна. Как ни полезна их работа в городе, она давно рвалась в отряд. И действительно, тучи над ними здесь сгущались. Чего стоит сегодняшняя речь Штольцама!..

— А как же Шура? — спросила Лиза.

— Александра Васильевна?

— Да.

— По-моему, ей тоже надо уходить.

— Я поговорю с ней, — пообещала Лиза.

Семенов мельком сказал, что в театре, кроме Майзеля и Евдокимова, уничтожено несколько офицеров и солдат из денщиков. Погибли два генерала, один полковник и капитан, приехавшие по приглашению Майзеля из других гарнизонов. Раненых не считали, их десятки. На сцене убиты певичка и жонглер. К сожалению, всех наших схватило гестапо. Их во главе с Иванцовым восемь человек, арестованы также рабочие сцены, гардеробщики, билетеры. «Хорошие ребята», — сказал Семенов.

Договорились встретиться в одиннадцать вечера за городом у мостика.

Семенов ушел, а Лиза вернулась в редакцию.

Там был юный художник Юрий. Он пришел посмотреть свой рисунок в сегодняшней газете.

— А все же он дураком получился, — с удовольствием шепнул он. Лиза отозвала Шуру в сторону. Решила говорить начистоту.

— Надо уходить.

— Куда?

— К партизанам. Пойдешь?

Лиза со слов Семенова объяснила ситуацию.

— Ясно, пойду.

Лиза назвала место и время встречи. Потом подошла к окну.

— Шура, смотри!

На виселицах на площади Революции они увидели новых повешенных — восемь трупов.

После работы пошли туда.

«Убийцы» — висело на каждом трупе.

— Сволочи! — сказала Лиза. — С выдумкой работают! Не повторяются!

Дома она собрала кое-какие вещички. Самое необходимое. Сложила не в мешок, а в сумку.

В одиннадцать была в условленном месте. Семенов уже ждал ее. Шура пока не появилась. Вскоре она подошла, но не одна.

— Это еще кто? — спросил Семенов.

Лиза узнала юного художника Юрика.

Шура долго объясняла, что он умолял ее взять с собой, у него никого нет...

Сам Юрик молчал.

Потом неожиданно выкрикнул:

— Я же комсомолец!

Лиза не знала, что сказать. Надо ли брать парня с собой?

— Ну ладно, попробуем, — буркнул Семенов. — Пошли.

Полями и оврагами они подошли к лесу. Еще два часа пути. Здесь их сразу же окликнули:

— Пароль?

— «Наука», — ответила Лиза.

В передовом охранении оказался словак Валек.

Валек проводил их в штабную землянку.

— Что это значит? Опять самодеятельность? — недовольно воскликнул Игорь Венедиктович.

Объяснял за всех Семенов.

Орлов, кажется, смягчился. Даже за Юрика не отругал. Лизу он направил в медчасть. Шуру, которая, оказывается, немножко знала радио, — к связистам. Семенова пока оставил при себе.

На следующий день партизаны форсировали подготовку к отражению возможного наступления немцев. Днем углубляли окопы на опушке леса, готовили оружие и боеприпасы.

Саперы минировали подходы к лесу.

Прозвучала уже команда «отбой», а в штабной землянке еще долго горела коптилка.

Семенов оказался прав.

Третьего января в восемь часов утра немцы начали карательную операцию против партизан.

Впереди шли пять танков, за ними бронетранспортеры, далее пехота на мотоциклах.

Миновали поле, обошли овраги.

Партизаны заняли весь километровый участок обороны по кромке леса.

Они должны были подпустить танки к заминированным участкам и только потом открыть огонь.

Бронированные чудища с крестами на борту медленно ползли по снежному полю. Мерно завывали моторы. Трещали мотоциклы, идущие по колеям, проложенным гусеницами танков и бронетранспортеров.

Лиза и еще четыре женщины с санитарными сумками находились вместе с партизанами в окопах.

Сначала появилась разведка — два бронетранспортера. Повертевшись возле лесной опушки, они вернулись. И уже потом пошли танки.

Они приближались.

— Лишь бы не обнаружили мин, — сказал Игорь Венедиктович, — хотя саперы поработали на славу, да и ночной снежок помог — припудрил землю.

— Приготовиться! — крикнул Леонид Еремеевич, и команда его, повторенная командирами взводов, прошла по всем окопам.

Вот первый танк чуть вырвался вперед и, осев на mine, завертелся на подбитой гусенице.

В него полетели бутылки с зажигательной смесью. По броне поползли струйки огня. Немцы пытались выскочить из открытого люка, но их срезали пули автоматов.

Остальные четыре танка двинулись в разные стороны. Подорвался еще один. И загорелся.

На подходе оказались и мотоциклисты, они строчили по окопам из автоматов.

Один из танков все же миновал минные заграждения и, стреляя из пушки, рванул к окопу, где находился Игорь Венедиктович.

Лиза не видела этого, она перевязывала первых раненых.

А Орлов, приподнявшись в окопе, бросил в танк связку гранат. Тот вздрогнул, остановился, но продолжал стрелять.

Чуть поодаль горели бронетранспортеры. Немцы, выскочившие из них, залегли и обстреливали окопы. Мотоциклисты рассредоточились. Некоторые соскочили с машин и тоже залегли.

Сделав перевязки и оттащив раненых в лес, Лиза вернулась в окоп на передовой и сразу же стала искать глазами Орлова. Но нигде не увидела. Ее окликнули, она бросилась на голос: еще раненный, тяжело, в голову. Она начала его перевязывать.

А впереди продолжался бой. Подорвался третий танк, оставшийся последний чуть отступил назад, дав задний ход, и поравнялся с бронетранспортерами. Побросавшие мотоциклы немцы прикрыва-

лись теперь броней и пытались идти в атаку. Но по ним били пулеметы, и они валились в снег. То ли настигнутые пулями, то ли стремясь избежать их таким образом.

Бой шел уже около часа, но немцам пока так и не удавалось прорваться к окопам.

Лиза снова искала Орлова и вдруг увидела его. Он как-то неловко лежал на краю окопа, держась обеими руками за живот. Она кинулась к нему, и все ее маленькое, тщедушное тело сжалось от смертельного страха. Игорь Венедиктович с удивлением и очень спокойно посмотрел на Лизу:

— Ты? Как там? Ничего не вижу.

— Все хорошо, все хорошо, — лепетала Лиза, стараясь распахнуть Орлову телогрейку, залитую кровью. «Неужели в живот? Неужели в живот?» Хотя было ясно, что именно в живот.

Она пыталась перевязать его, чтобы остановить кровь.

— Сейчас, сейчас, любимый мой, — приговаривала она, не вникая в смысл вырывавшихся слов.

Где-то над головой стреляли, рвались снаряды, трещали машины и мотоциклы, но Лиза в эти минуты ничего не видела.

Для нее весь мир исчез. Не было ни взрывов, ни немцев — ничего вокруг, кроме самого дорогого для нее человека...

Путаясь в бинтах, не имея сил поднять Орлова, она все-таки как-то сумела перевязать его. Потом подсунула под него руку и плача, почти ничего не видя перед собой, попыталась сдвинуть его с места. Неожиданно и легко его тело подчинялось Лизиним усилиям, и она потащила Игоря Венедиктовича из окопа в лес.

— Как там? Как? — стонал Орлов.

Лиза утешала его, как могла, и продолжала тащить. Они были уже за первым завалом, когда он вдруг попросил:

— Дай отдохну! Очень устал! Не сердись...

Лиза положила его голову на еловую ветку.

— Пить, — попросил Орлов.

— У меня нет воды. — Лиза была в отчаянии. — Потерпи. Сейчас пойдем дальше.

Она и не заметила, как перешла с Орловым на «ты».

Вновь потащила Игоря Венедиктовича в глубь леса, не замечая, как за их спиной стали затихать выстрелы и разрывы.

Орлов начал хрипеть. Изо рта появилась кровавая пена.

— Только не умирай! Прощу тебя! Не умирай! — захлебываясь от рыданий, повторяла Лиза.

Она совершенно выбилась из сил.

И вдруг Игорь Венедиктович затих. Широко открытыми глазами через стволы деревьев он, казалось, внимательно что-то разглядывал в небе...

Сын родился у Елизаветы Павловны зимой. Родильного дома в сорок седьмом в городе не было еще. Она лежала в специальном отделении городской больницы.

Врачи боялись за нее, но все прошло благополучно.

Обессиленная, лежала она в огромной палате вместе с уже родившими и только ожидающими родов.

Хотела скорей увидеть своего ребенка.

Наконец сестра принесла ей маленький белый сверток.

— Три пятьсот. Рост сорок девять сантиметров.

— Я знала, что будет сын,— смущенно призналась Елизавета Павловна.

— Назовете-то как? Придумали?— спросила сестра.

— Игорь. Давно придумала.

За зиму Лиза окончательно привыкла к отряду. Из тяжелораненых похоронили еще пятерых, остальных выходили.

После всех перипетий отряд не совершал даже мелких операций, и новых потерь пока не было. Санитарная землянка почти опустела. Пользуясь свободным временем, Лиза научилась стрелять из трофейного немецкого автомата и пулемета Дегтярева, даже бросать гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

В марте в отряд поступили сведения о начавшихся передвижениях немцев в селе Кузьминки, но подробности разведать не удалось.

Леонид Еремеевич вызвал Лизу и Шуру:

— Справитесь?

На всякий случай заранее придумали легенду: дескать, идут они в Жуковку, отдаленную деревню, к родственникам.

Вышли из лагеря в сумерки, чтобы к вечеру дойти до Кузьминок.

В воздухе уже чувствовалась весна, хотя по вечерам подмораживало. Снег посерел и осел, так что идти было нетрудно. Под ботинками легко похрустывало.

Шли не торопясь и через полтора часа оказались на окраине Кузьминок.

Это было большое село с церковью и двумя прямыми, параллельно идущими улицами. Разрушений никаких не видно.

Вокруг сновало довольно много немцев, не только в обычной, пехотной, но и в эсэсовской черной форме. Это уже было важно. Попадались и штатские. На Шуру и Лизу никто не обращал внимания.

Но они решили не искушать судьбу и попроситься к кому-нибудь на ночлег. В первой избе, куда они постучались, ничего не получилось: оказалось очень много детей и умирающий старик. Во второй — повезло. Они представились хозяйке, объяснили, что идут в Жуковку к родичам. Она их охотно пустила. Изба была небольшая, хозяйка жила с двумя ребятами.

Они спросили про немцев.

— У меня для немцев тесно, да и неуютно,— сказала она.

— А много их?

— Хватает. На днях батальон СС пришел.

— А муж где?

— Где же ему быть? В Красной Армии.

Хозяйка напоила их цветочным чаем и в начале десятого задула лампу.

Утром на улицах села народу было еще больше. Немцы — пешие, конные, на мотоциклах. Возле многих домов со сломанными штакетниками стояли легковые и грузовые автомашины.

Девушки прошли вперед, к церкви. Возле здания школы дежурили часовые в форме СС. В дверь то входили, то выходили эсэсовцы. Какой-то штаб находился и в поповском доме возле церкви. Только тут вертелись немцы в полевой форме. Левее церкви, в поле, на расчищенной площадке стояли грузовики и зачехленные орудия.

Лиза и Шура мысленно пересчитали их. Орудия, кажется, были зенитные или сорокапятки. Стволы длинные. Рядом у двух длинных каменных амбаров ходили часовые.

Девушки запомнили и это.

Они спустились на нижнюю улицу. Здесь было тише, малолюднее. Только возле одного большого каменного дома ходил часовой и стоял шикарный легковой автомобиль с брезентовым верхом.

— Какое-то начальство,— шепнула Лиза.

Они прошли до конца улицы, поднялись чуть вверх и, миновав последние дома и сараи, направились накатанной дорогой в поле, а потом оврагами — в лес.

Но операция в Кузьминках не состоялась. Немцы подтянули в деревню новые силы, усилили охрану, и Леонид Еремеевич отменил задуманное.

— Нечего лезть на рожон,— отшел он все возражения.— Мы и так потеряли половину отряда. И в городе теперь никого: подпольная группа разгромлена.

Немецкие военнопленные работали на восстановлении города до сорок девятого года. Состав их несколько менялся, но незначительно. Одна группа специалистов была отправлена в подмосковный Красногорск. Другая — в Москву, на завод малолитражных автомобилей. Двум группам разрешили досрочно вернуться на родину — создавалась ГДР. На их место в лагерь прибыли военнопленные из двух других находящихся в области лагерей, расформированных из-за малочисленности.

Лагерь был не маленький, около пятисот человек, и летом сорок девятого всем его обитателям предстояло возвращение на родину. Они

выдраили и вычистили территорию лагеря, бараки, все подсобные помещения, а накануне отъезда сняли колючую проволоку, окружавшую лагерь, дозорные вышки, вырыли столбы и даже заровняли ямы.

В полдень на станцию был подан длинный эшелон из пяти пассажирских и двадцати товарных вагонов с двумя паровозами.

Пленных построили на территории лагеря. Впереди две колонны офицеров — старших и младших, за ними унтер-офицеры и солдаты.

Все улицы города по дороге к вокзалу заполнили люди. Странные чувства, противоречивые, нелогичные, обуревали их. Тут переплеталось все — и ненависть, и сочувствие, и горечь, и радость, и какая-то чуть ли не до слез растроганность.

Колонна двинулась. Лишь в начале и конце ее шли наши — по офицеру и по двое солдат.

Немцы шагали ходко, многие улыбались, другие пребывали в мрачном оцепенении, кто-то из них выкрикивал: «Прощай! Ка-ра-шо!», кто-то просто помахивал руками.

Впереди солдатской колонны трое пленных на губных гармошках наигрывали «Катюшу».

Елизавета Павловна стояла в толпе, приподнимаясь на цыпочках, чтобы лучше видеть, но не видела ничего, а только смахивала слезы.

Может, она хотела увидеть унтера Карла? Пожалуй, да. Но она не могла признаться себе в этом. Просто с этими немцами что-то уходило сейчас и из ее и из их жизни. И это прощание окончательно подводило черту под страшной войной.

Нет, Карла она не видела, да, пожалуй, и неважно сейчас это. Наверно, он шел с другой стороны колонны, а потом, они похожи в этой своей одинаковой мышиной форме.

По чьей-то остроумной команде вслед за колонной пленных шли три поливальные машины, сильными струями воды смывавшие пыль и грязь с асфальта. А за машинами бежали мальчишки, явно бедокуря и кривляясь у всех на глазах, и на их лицах горела, расплескиваясь звонким смехом, неподдельная радость.

Городской гарнизон немцев после пережитой новогодней трагедии и неудавшейся акции против партизан жил странной, подчеркнуто деловой жизнью. Были назначены новый комендант и новый бургомистр, но никому уже и в голову не приходило восстанавливать театр или ТЭЦ, пускать трамвай или троллейбус, заботиться о приобщении жителей к «новому порядку». Партизаны немцев не беспокоили, заметных диверсий давно не случалось. Оставшиеся в живых жители, казалось, втянулись в обязательные трудовые повинности. Их перебрасывали с участка на участок, в основном на помощь немецким воинским частям — по разгрузке продуктов

и снаряжения, уборке помещений и территорий. О пропитании населения никто не заботился. Чахлые подачки в виде второсортной муки, круп и концентратов были редкостью. Люди перебивались огородами, которых появилось в городе великое множество, и картошкой, что росла теперь и во дворах и на улицах — на бывших скверах, газонах, прямо рядом с тротуарами вдоль домов.

«Русский голос» окончательно захирел. Заместителя Штольцману так и не дали, сотрудников новых он не нашел, и газета выходила лишь раз в неделю, заполненная в основном официальными материалами и начисто лишенная местной информации. И даже когда в городе произошел из ряда вон выходящий случай — погиб по глупости от неразряженного пистолета начальник штаба шестой дивизии полковник Вайтруб, газета не откликнулась некрологом. Штольцман после новогодних событий замкнулся, ушел в себя, не искал контактов со своими хозяевами и выпивать стал еще чаще. Он откровенно боялся. Боялся исчезновения Лизы. Теперь он догадывался, что она была связана с подпольем. Он боялся не только партизан, боялся почему-то и немцев.

Что происходило в городе, было известно в партизанском отряде в общих чертах, но этих сведений было недостаточно, поскольку связь, живая связь, с января потеряна.

Леонид Еремеевич, другие члены руководства отряда не раз гадали, как наладить эту так необходимую связь.

Тут и вспомнили про Юрика. Парень подросток, ему исполнилось пятнадцать, в отряде проявил себя наилучшим образом. Он продолжал еженедельно выпускать стенную газету «Советский партизан».

И все же пустить Юрика в город одного Леонид Еремеевич не решался. Парень молодой, горячий, мало ли чего может наделать.

Мысли Леонида Еремеевича все чаще обращались к Лизе. С одной стороны, ее знают в городе, и это опасно, но с другой — уж очень она подходит по характеру и по внешнему виду. Ее можно как старшую направить вместе с тем же Юриком. И все же очень опасно!

Леонид Еремеевич посоветовался с Любой Щипахиной, с другими своими помощниками и только потом уже вызвал Лизу и Юрика. Усадил их за стол, поставил кружки с чаем.

Предложил, как бы шутя:

— Давайте погадаем об одном деле, пофантазируем.

Заговорил о важности связи с городом, об отсутствии информации...

Они вышли из лагеря с таким расчетом, чтобы в городе переночевать в Лизиной комнате. К себе после столь долгого отсутствия Юрик решил не ходить: он жил в коммунальной квартире.

Добрались благополучно и нырнули на улицу Красина. Единственно, что заметили, — отсутствие патрулей. Только у здания комендатуры стояли часовые и по-прежнему развевался фашистский флаг.

Юрик выглядел обычно, а Лизу было не узнать. Она изменила причёску; платок натянут глубоко на лоб, длинная юбка почти до земли прикрывала ноги. Ресницы и брови перекрашены в белый седоватый цвет. Даже горб казался почти незаметным.

Утром они сразу пошли на Колхозную. Склады были на месте, но охрана увеличена. Рядом с ними на большой площадке стояли танки, бронемшины, орудия, шестиствольные минометы. Пересчитали — около двухсот.

Пройдя по окраинным улицам — Озерной, Базарной, Вишневой, заметили новые воинские части. Зенитчики — не меньше дивизиона, дивизион гаубиц, конный полк. Чуть дальше опять танки — не меньше дивизии. Еще ближе к вокзалу саперная часть с понтонами.

Виселицы в центре сняли. За зданием театра по-прежнему располагалось бензохранилище. Большие светлые цинковые баки были крупнее, чем прежде.

Издали наблюдали за комендатурой. К ней часто подъезжали легковые машины с офицерами высших чинов, среди которых заметили одного генерала. Вдруг из комендатуры вышел Штольцман, Лиза сразу же узнала его.

«Опять стал ходить по начальству», — подумала она.

Весь день они провели в городе, на ходу съев по куску припасенного хлеба. Около шести, оставив Юрика на улице, Лиза нырнула во двор типографии. Здесь было пустынно. Спрятавшись за стену, Лиза заглядывала через мутное стекло в ротационную, в надежде увидеть знакомого метранпажа. Он долго не появлялся. И вдруг возник почти рядом с окном. Лиза робко постучала. Он, прищурившись, посмотрел в окно. Лиза поманила его пальцем.

Через несколько минут, в телогрейке и шапке, метранпаж появился во дворе.

— Тебя не узнать, — вырвалось у него. — Куда вы пропали с Шурой?

— Это потом, — быстро сказала Лиза. — Как у вас дела?

— Да какие дела! — махнул рукой.

Александр Васильевич рассказал, что работы почти нет. Газета выходит раз в неделю. Штольцману дали зама из таких же русских немцев. Вроде был учителем. Он выполняет все обязанности недостающих сотрудников. Даже информацию сам готовит. Письма, которые печатает газета, высасывают из пальца. Во всяком случае, он, Александр Васильевич, таких корреспондентов не знает.

— А что нового в городе? — поинтересовалась Лиза.

— В городе? — переспросил Александр Васильевич. — Народу

осталось совсем мало. В основном обслуживают немцев. Правда, сейчас опять зашевелились на ТЭЦ. Похоже, собираются что-то восстанавливать. Бензохранилище и склады восстановили сами немцы. Появились новые части: танковая дивизия и нечто вроде инженерно-саперного полка.

— Где их штабы?

Александр Васильевич назвал:

— Вишневая и Огородная.

— А теперь, Александр Васильевич, нужен ваш совет, — сказала Лиза. — Нельзя ли с вашей помощью отпечатать листовку? Нашу, советскую?

Метранпаж загорелся:

— Ясно, можно! Как я сам не подумал!

— А мы бы вам предоставили информацию. Радио мы слушаем, — пояснила Лиза.

— Так и я слушаю! — воскликнул Александр Васильевич. — После вашего ухода ежевечерне, в редакции. Приемник-то работает. Я и текст могу составить. Доверьте, пожалуйста, мне! — попросил он несколько неуверенно.

— Конечно, доверяем. — Лиза готова была броситься на шею старому метранпажу.

Договорились, что через три дня листовки будут готовы. Триста экземпляров. Лиза зайдет к шести часам, и они вместе расклеят листовки по городу. Александр Васильевич приготовит две банки клея и кисти.

— Я счастлив заняться добрым делом, — признался он. — А то прямо руки опускаются.

На улице Лиза шепнула Юрику:

— Опять на Вишневую и Огородную.

Теперь, при более внимательном осмотре, легко обнаружили штабы саперов и танкистов.

Через четыре часа они были у себя в лагере и доложили обо всем узанном и увиденном командиру отряда.

— Будем кумекать, а потом и готовиться.

А через три дня Лиза уже одна, без Юрика, снова пришла в город. Под покровом темноты она развесила по городу около тридцати листовок.

Летом и осенью отряд почти бездействовал, а немцы, наоборот, лютовали. Правда, удалось несколько нападений на вражеские обозы — автомобильные и конные, что шли по дорогам Кузьминки — Жуковка, Старые Дворики — Епатьево, Безуглово — Лысая.

Отряд несколько вырос и снова насчитывал около двухсот человек.

Вторая зима приходила вместе с голодом. Немцы разграбили

и обчистили почти все села в округе, и рассчитывать на помощь крестьян становилось все труднее и труднее. Запасы продовольствия в отряде иссякали.

Единственный расчет был на то, чтобы отбить его у самих немцев.

Но напасть на вражеские продовольственные склады в городе и вывезти оттуда продукты было трудно.

И тогда подумали о железной дороге. Эту мысль подсказал Валеk.

В двадцати километрах от города находится разъезд Усово, где эшелоны обычно несколько замедляли ход. Охрана была там незначительная.

Предстояло проверить, как часто через Усово проходят эшелоны с продовольствием, и попытаться остановить один из них. Разведку необходимо провести в течение нескольких дней.

Выбор пал на Валека, который уже бывал в Усове, и бывшего железнодорожника Велехова.

Всех одели в немецкую форму, снабдили сухим пайком.

— Ну, как говорится, с богом! — напутствовал Леонид Еремеевич.

На третий день разведчики вернулись.

Охрана в Усове оказалась действительно мизерной. Четыре человека. Сменяются через каждые четыре часа. Привозят охранников из ближайшего села, что находится в двух километрах. Оттуда же доставляют и стрелочника.

Удобно и то, что разъезд окружен с двух сторон довольно густыми лесами. В них легко спрятать машины и, если нужно, телеги.

А эшелоны с продовольствием через Усово проходят ежедневно.

Вслушав все, Леонид Еремеевич подвел итоги:

— Пожалуй, поступим так. Выделяем вам три машины и пять подвод. Главным назначаю товарища Семенова. У него большой опыт общения с фрицами. Кроме шоферов и возчиков, сколотим группу человек в двадцать. Форма немецкая. Отъезд вечером, под покровом темноты. К ночи прибытие в Усово. Там замаскироваться, но тихо, чтобы не встревожить немцев. Охранников снять утром, свежих, только заступивших на пост. Стрелочника арестовать. С ним разберетесь на месте, смотря по его поведению. Если эшелон удастся остановить и атаковать утром же, то, погрузив продукты, немедленно отправляться назад. Если же произойдет задержка, то придется ликвидировать машину, которая привезет через четыре часа новую смену часовых. Есть какие-нибудь другие предложения?

Других предложений не было.

Двое суток после того, как экспедиция отправилась в путь, все в лагере только и жили этим событием.

И вот возвращение, да еще какое удачное. Грузовики заполнены мукой, сахаром, маслом, салом, консервами, даже хлебом в пакетах.

Семенов доложил командиру отряда, что все прошло точно по плану, и в конце добавил:

— Было лишь одно непредвиденное обстоятельство. Вот.— И он положил на стол немецкие документы. Объяснил: — По пути обратно встретили офицерскую машину с майором и четырьмя мотоциклистами. Пришлось уничтожить, а документы захватили с собой.

В январе сорок третьего, когда пришли первые радостные вести из Сталинграда, многое изменилось и в этих краях. Фронт, отходивший от города на двести — триста километров, двинулся в обратную сторону.

Город почти обезлюдел. Немцы бросили на фронт танковую дивизию, инженерно-саперный полк, зенитный дивизион, подтягивали тылы.

По ночам в партизанском лагере была слышна дальняя артиллерийская канонада, на юге полыхали зарницы.

Партизаны установили радиосвязь с наступающими частями Красной Армии и действовали теперь в полном контакте с ними. Была договоренность и о совместных действиях в боях за город.

И все же сделано было не так уж много. Эти места — не Белоруссия и даже не Украина. Леонид Еремеевич все понимал. Но понимал и другое: был огромный смысл в существовании отряда, являющегося островом активного сопротивления в этих краях.

Одной из последних акций партизан в феврале был разгром «Русского голоса» и уничтожение шеф-редактора Штольца. Немцы были так ошарашены дерзостью партизан, что ничего не успели предпринять, и партизаны благополучно вышли из города, унося с собой лишь пять раненых.

К марту бои вплотную подошли к городу. Отряду было поручено отрезать немцам пути к отступлению. Партизаны покинули лесной лагерь и засели вдоль дорог, ведущих из города на запад.

Шестнадцатого марта первые части Красной Армии ворвались в город.

Семнадцатого марта на площади Революции партизаны соединились с частями Красной Армии. Город был освобожден.

Странная, непривычная тишина стояла вокруг. Редкие группы горожан с волнением смотрели, как обнимаются на площади красноармейцы и партизаны, как возник стихийный митинг и кто-то ораторствует, взобравшись на броню танка. Здесь же наигрывали гармошки и трофейные аккордеоны. Партизанки, включая Шуру, танцевали с красноармейцами.

Лиза стояла оглушенная и беспрдельно счастливая. По ее лицу текли слезы...

Сейчас Елизавете Павловне трудно поверить в реальность тех дней. Голод, холод, разруха. Как они начинали? А ведь начинали!

Уже через несколько дней в городе стали действовать партийные и советские организации. Среди работавших в них было немало людей из партизанского отряда. Александр Васильевич вернулся в типографию и вскоре вместе с Шурой выпустил первый номер «Рабочего пути». Номер был чахлаый, на двух страницах, на большее не хватило бумаги, но газета вышла, и это стало событием.

Лизе, учитывая ее некоторый опыт работы санитаркой и медицинской сестрой в партизанском отряде, предложили определиться ночной медсестрой в лагерь для военнопленных. Услышав об этом, Лиза сначала возмутилась, но потом, спокойно все обдумав и обговорив, согласилась.

Вольнонаемных в лагере было мало, в основном медицинские работники. Ночью Лиза, как правило, оставалась совсем одна. Ее медицинского опыта вполне хватало: основной контингент пленных отличался завидным здоровьем. Случались простуды и прочая чепуха, чуть чаще травмы. Так что ночью Елизавете Павловне удавалось и прикурнуть.

Как это случилось, она и по сей день не могла себе объяснить. Да, этого вяло-добродушного немца, унтера Карла, она знала с первых дней работы в лагере. И не потому, что чем-либо выделялся из других, а потому, что однажды поранил руку.

Карл неплохо говорил по-русски, и из этих немногих разговоров она узнала, что ему сорок пять, родом из Банска-Бистрицы, в плен попал под Москвой, а точнее, под Ельней, и счастлив, что война для него закончилась. Еще говорил, что он не нацист, а славянин, что ненавидит Гитлера и что немцы предали словаков, и тому подобное, на что Елизавета Павловна не обращала внимания: «Все они, фрицы, сейчас так говорят».

При встрече они просто кланялись, иногда перебрасывались несколькими фразами о чем-нибудь незначительном. Да, после Сталинграда, когда в лагере уже оформилась организация «Свободная Германия», Карл вошел в руководство ее солдатского комитета. Однажды они и говорили об этом.

А то, что так неожиданно и, как ей казалось тогда, страшно перевернуло жизнь Елизаветы Павловны, случилось летом сорок шестого. Ночью она сидела у себя в медкабинете у открытого окна и пыталась читать Достоевского. Спать пока не хотелось, но чтение шло плохо. Елизавета Павловна ловила себя на мысли, что читает, не понимая смысла, а думает совсем о другом.

Ей тридцать девять, а личная жизнь в общем-то не сложилась. И не было в том ничьей вины — ни ее, ни других. Все и за всех много лет

назад решила болезнь, оставив неимоверно горький след. Какая женщина не мечтает о семье, о детях, ведь самой природой ей предназначено о ком-нибудь постоянно заботиться, кого-нибудь все время оберегать. А нет этого — нет и того спокойного равновесия души, которое и есть личное счастье. И наверное, никто не ощущает так остро одиночество, как женщина. Только в войну Елизавета Павловна чувствовала себя и полезной, и нужной, и даже счастливой. А что сейчас? И странные страсти странных людей Достоевского не доходили в эти минуты до ее сознания...

Елизавета Павловна не заметила, как в дверь постучали и на пороге появился ее знакомый унтер.

— Вам что? — с досадой спросила она.

А между тем немножко обрадовалась, что пришел кто-то и отвлек ее от мрачных мыслей, и потому уже более мягко добавила:

— Садитесь.

Карл молча сел на краешек стула, рядом со столом.

Приняв его в свое одиночество, она тем не менее не обращала на него внимания и поначалу не смотрела на него. А если бы посмотрела, то заметила бы, что он держится как-то странно, без конца потирает свои большие руки, порывисто вдыхает ноздрями воздух.

— Нет сон, сон нет совсем, — наконец произнес он.

Елизавета Павловна подумала, что он пришел к ней за снотворным.

— Снотворного у меня нет, — сказала она. — Не получили пока.

— Нет, нет снотворный, — быстро выпалил он. — Я думай о вас.

Она ничего не сообразила, не поняла, почему он встал, подошел к ней и положил свои большие руки на ее плечи.

А дальше все было как будто не с нею. И то, что он быстро поднял ее и положил на покрытую простыней медицинскую кушетку, и что делал, и что говорил. Словно не отдавая отчета в том, что происходит, она как-то легко повиновалась ему и почему-то, дрожа от нетерпения, обхватила его руками за могучую шею, и только все старалась отстраниться от его губ, от его поцелуев, и потому он целовал ее то в лоб, то в нос, то в щеки.

— Я славянин, — шептал Карл, — я не нацист...

Он, торопясь, срывал с нее одежды, она почти не сопротивлялась, и, только когда он попытался открыть ей грудь, она мертво вцепилась в рубашку: никогда не оставляющее ее чувство стыда за свое уродство оказалось сильнее...

Потом она будет очень часто вспоминать эту ночь, хотя уже забудет и имя унтера и память потеряет его лицо. Но память оставит ей грубую ласку мужских рук, туманящую близость мужского тела...

Он встал и отошел к окну, заслонив его своей крепкой фигурой. Ей было горько и стыдно, хотя тело успокоенно и предательски замерло.

— Отойдите от окна, черт вас возьми! — Она сама испугалась своего крика.

Он виновато отошел и опять опустился на стул. И тут Лиза отвернулась к стене и разрыдалась.

— Не надо! Не надо! — Он наклонился над ней и стал вытирать ее лицо уголком простыни.

А она все никак не могла успокоиться и почти захлебывалась от рыданий.

Потом снова сорвалась на крик:

— Идите вон! Вон! Вон!

Он поспешно двинулся к двери и вышел из кабинета, а она продолжала больно плакать без слез...

Лиза не могла простить себе случившегося и в следующую ночь не вышла на дежурство, сказав, что заболела.

Только пропустив три или четыре дежурства, она немного успокоилась.

В лагере старалась не столкнуться с Карлом, но, видимо, и он избегал ее.

А потом она поняла, что беременна.

И тут, как это ни покажется странным, она почувствовала в себе даже какую-то приподнятую уверенность.

«Пусть так! Пусть! — твердила она себе. — А если я хочу? Я — хочу!!!»

И опять все знакомые узнавали в ней прежнюю Лизу, а она чувствовала себя так, будто заново появилась на свет.

В феврале сорок седьмого она родила сына.

До чего ж это смешно, когда твой (твой! твой! твой!) сын влюбляется.

У Игоря это случилось впервые, когда ему было тринадцать лет.

Был он тогда в пионерском лагере, и Елизавета Павловна приезжала к нему каждое воскресенье.

Поначалу все шло по-старому, но на третий раз она заметила в сыне перемены. Он замкнулся. Молчал. Даже не притронулся к гостинцам, которые она привезла.

По простоте душевной Елизавета Павловна стала щупать его лоб и задавать вопросы, как он себя чувствует.

И вдруг мимо них прошла девушка с комсомольским значком и в пионерском галстуке, сказав Елизавете Павловне «Здравствуйте». Игорь покраснел, по лицу его пробежала страдальческая улыбка. Девушке было на вид лет семнадцать-восемнадцать. И тут Елизавета Павловна все поняла.

— Это кто, сынок?

— Старшая вожатая, — буркнул Игорь.

«Бог ты мой, какое счастье! — подумала Елизавета Павловна. — Сын-то становится совсем взрослым. Вот уже и влюбляться начал...»

Ей было и смешно и чуть грустно.

Вспомнился почему-то Игорь Венедиктович.

«Конечно, все это пройдет,— размышляла про себя Елизавета Павловна.— А все же чудо! Неразделенная любовь...»

Уж кто-кто, а она-то знала, что это такое!..

День был обычный и вдруг превратился в необычный.

Неожиданно приехал Игорь и заявился прямо в горисполком.

— И ничего не сказал! — всплеснула руками Елизавета Павловна.

Они пошли домой.

— У тебя орден? — заметила Елизавета Павловна.

— Кубинский.

— Ничего, будет и наш. Когда ты вернулся?

— Три дня назад. И сразу к тебе.

— Как наш город? Гавана красивее?

— Гавана хороша, но здесь лучше.

— Как дома?

— Дома все нормально. Знаешь, мама, очень хочу, чтоб у меня был сын.

— Если хочешь, будет.

Они проговорили до полуночи.

Рано утром Елизавета Павловна провожала сына на вокзал.

Прощались, расцеловались, поезд тронулся.

Елизавета Павловна по привычке вздернула правым плечом и побежала к себе на работу.

Побежала, вспомнив при этом латинскую поговорку:

*Age quod agis*¹.

---

¹ Делай свое дело (лат.).

Сергей Алексеевич Баруздин

ЕЛИЗАВЕТА ПАВЛОВНА

Редактор Л. М. Наточанная

**Технический редактор
В. Н. Веселовская.**

**Сдано в набор 18.06.82. Подписано к печати
07.09.82. А 00406. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-
изд. л. 3,10. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2310.
Зак. № 2717. Цена 20 коп.**

**Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.**

«ХИМЧИСТКА»

Современная химчистка —
это сложное производство,
оснащенное машинами-автоматами
и отделочным оборудованием.
ПРЕИМУЩЕСТВА ХИМИЧЕСКОЙ ЧИСТКИ
перед стиркой в домашних условиях
ОЧЕВИДНЫ!
НОВЕЙШИЕ ПРЕПАРАТЫ,
которые применяются
на предприятиях химчистки,
НЕ ТОЛЬКО ОЧИЩАЮТ ОДЕЖДУ,
УДАЛЯЮТ ПЫЛЬ, ГРЯЗЬ, ЖИР,
НО И ПОМОГАЮТ СОХРАНИТЬ
ЕЕ ЦВЕТ, ФОРМУ И РАЗМЕР.

Проверено на практике:
достаточно чистить вещи
3—4 раза в год,
и они прослужат
в полтора раза дольше!

Росбытреклама